

СЕРИЯ «ЧЕШИРСКИЙ КОТ» ПРЕМИИ-МЕДАЛИ ИМ. ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА
И КОНВЕНТ «РОСКОН» ПРЕДСТАВЛЯЮТ АВТОРА

ДМИТРИЙ ТАЛАНОВ
НОВЫЙ СВЕТ
ХРОНИКИ
ПОДМАСТЕРЬЕ
КНИГА ТРЕТЬЯ

Чеширский кот

Дмитрий Таланов

Подмастерье

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Таланов Д. В.

Подмастерье / Д. В. Таланов — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Чеширский кот)

ISBN 978-5-907350-46-5

Удача не покидает Филя. Он выполняет практически невыполнимое поручение, занимая положение человека, на которого всегда можно рассчитывать; делает приёмную семью ещё богаче; теряет одну любовь и приобретает другую. В вихре новых приключений его друзья-соратники всегда рядом, и это даёт ему силы преодолевать препятствия на пути и бесстрашно драться за приютившую его землю, которую давно считает своей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-46-5

© Таланов Д. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Сквозь туман новых приключений	6
1	9
2	16
3	27
4	36
5	44
6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Валерьевич Таланов Подмастерье

Дмитрий Таланов – российский писатель, инженер-электрик и руководитель проектов. Не изменяя полученной в 1986 г. специализации в НЭТИ (ныне НГТУ), он успел поработать в восьми странах, получив бесценный опыт выживания в разных культурах, включая англосаксонскую и арабскую, плюс множество переломанных, хотя и удачно сросшихся костей. Накопленные впечатления в какой-то момент преобразовались в серию книг в жанре фэнтези «Новый Свет. Хроники».

Сквозь туман новых приключений

Увидела свет и порадовала своих читателей третья книга Дмитрия Таланова «Новый свет. Хроники. Подмастерье». Рассказывать про жанр и сюжет будет лишним – понятно, что это фэнтези, а чтобы разобраться в восхитительном безумии, творящемся на страницах этого произведения, необходимо прочитать две первые книги и пройти по следам Филя Фе, от его спасения и до того момента, когда он отправился в Старый свет с благородной миссией – Месть, а если точнее – убить демона, принесшего столько горя его родным.

Казалось бы, что нам ожидать от третьей книги? Конечно же, погоню за демоном, приключения на широтах Старого света и в конце логическое завершение – смерть врага. Казалось бы, но нет! У этого автора не все так банально, и жизнь Филя не такая скучная.

На первых же страницах мы находим юношу в обществе монаха ордена доминиканцев, отца Николая (кстати, вполне реальная такая историческая личность). Так вот, мы встречаем эту компанию в самом начале книги и... они долго не думая убивают демона Валафара, за которым отправился в погоню Филь. А помогает им при этом не кто иной, как наш старый знакомый кузнец Ирений, немного постаревший, но именно он. И вот задача выполнена, справедливость восторжествовала, все позади, и можно начать спокойную взрослую жизнь.

Филь возвращается в Новый свет и попадает «из огня да в полымя». Ему опять придется учиться – весьма скучное занятие для такого импульсивного парня, но без учебы не обойтись в этом нестандартном Средневековье. Ведь только хорошее образование позволяет продвинуться в этом мире и занять высокую должность. Но если с учебой у него все хорошо, то про его отношения с противоположенным полом этого не скажешь. Как мы помним, в путь его провожала Мета, и после возвращения, не сразу, конечно, но Филь принимает решение жениться, и дело уже движется к свадьбе. Но не был бы он самим собой, если бы у него все прошло гладко.

Жизнь и неистощимое любопытство нашего героя вносит свои коррективы в его грандиозные планы – и вместо супруги он получает хороший жизненный урок и навсегда запоминает, что «женщина – это слабое беззащитное существо, *от которого* невозможно спастись». Отвлечься от переживаний ему помогает тяжелая работа, учение в полевых условиях и умелая кухарка, куда уж без этого.

Проходит время. Постепенно налаживаются отношения с родными, с приемной матерью, сестрами и... вот Филь уже на каторге, а с ним за компанию еще полтысячи каторжников, «многие из которых должны были бы висеть на виселице, но неожиданно получили смягчение приговора» и работают они на благо императора и империи. Но и там этот юноша нашел себе друзей и соратников и смог хорошо заработать.

Дальше больше: строительство Алексы, получившей другое название, немилость императора (к этому-то ему не привыкать), звание рыцаря, не заслуженное, но очень ему нужное, чумной Неаполь и... встреча с Валафаром. Демоны имеют три жизни, и Филь, конечно же, об этом знал. Ходить бы ему и оглядываться, но это совсем не в привычке Мастера и рыцаря. А что демоны? Демоны постоянно преследуют Филя, и это не последняя его встреча с нергалами. Но как можно простить врага? Только поняв его. Этот урок он тоже выучит, хоть такой опыт и принесет много боли.

На первый взгляд может показаться, что судьба благосклонна к юноше и все ему дается легко и играючи. Это не совсем так. Филь, как и все юноши, проходит свой возрастной кризис с переживаниями, с вопросами, с любовью, с неприятием чужих мнений, с жизненными трагедиями и потерей близких людей. А войны? Войны сотрясают Новый свет: тут и французы, и сердары, и те же демоны. А в войну люди взрослеют быстро и привыкают более стойко пере-

носить удары судьбы. Так и Филь. Жизнь его закаляет, и с каждой трагедией, с каждой случившейся неприятностью, он становится только сильнее.

Вот мы и проследили судьбу Мастера от десятилетнего любознательного мальчишки до юноши «с не раз опаленной шкурой, неплохой теоретической подготовкой и достаточным количеством тошнотных воспоминаний» – и расстаемся с ним, вновь оставив его на очередном перепутье судьбы.

Предсказать, что же случится дальше, очень затруднительно, ведь Дмитрий Таланов, подобно Джоржду Мартину, относится к тем авторам, которые легко вводят читателя в замешательство и восторг своими нестандартными решениями, поворотами сюжета и ломкой логической цепи повествования. И спасибо ему за те несколько вечеров, проведенных в компании Филья Фе, его старых и новых друзей, за эмоции и удивительные приключения – пережитые и новые, которые явно еще ожидают за легким туманом недосказанности.

*Борис Долинго,
Председатель оргкомитета
фестиваля фантастики «Аэлита»;
Член Интернационального Союза писателей,
драматургов и журналистов;
Член Союза писателей России*

1

Генеральный инквизитор Испании, монах Ордена доминиканцев Николай Эймерик (1316–1399) считается предшественником и вдохновителем ужасного Торквемады. Ярый фанатик, он не признавал своих ошибок, был жесток и издал поистине садистское «Руководство для инквизиторов». Неизвестно, что толкнуло доктора богословия из парижской Сорбонны на этот путь. Есть только отдельные свидетельства, позволяющие предположить, что произошло это около 1347 года...

Хосе де Рибера. Ужасы инквизиции, манускрипт, кн. 2, крепость Монжуик, Барселона

Для того, что они задумали, было ещё слишком рано. Филь предложил не мозолить глаза городской страже и подождать в таверне «У танцующего быка», где заодно и поужинать. Отец Николай благодушно согласился.

Они начали, как обычно, с хлеба, редиса и твёрдого пекорино. Филь также заказал себе плоскую оливкового масла с толикой уксуса из красного вина. Он любил макать в эту смесь кусочек свежего хлеба перед тем, как отправить его в рот. Отец Николай не одобрял подобного, считая это чревоугодием, но поставил иноземца об этом в известность только раз, позволив ему в дальнейшем самому нести ответственность за свои грехи. С чем он, однако, не мог примириться, так это с манерой Филья заглатывать пищу.

– Дорогой Филимон, – произнёс он неодобрительно, – вы снова слишком быстро едите! Разве не сказано в Притчах Соломоновых, что следует поставить преграду в гортани своей, если ты алчешь?

– Вы мне это уже говорили, дорогой брат, – ответил Филь. – Я бы сказал, что вы мне плешь уже этим проели за последние семь месяцев, и я скоро стану как настоящий монах. Что касается притчей, то там же сказано: «Не суди превратно тяжбы ближнего своего».

Служка притащил им козьего сыру и вина, разбавленного водой. Отец Николай, почти вдвое старше своего юного соратника, скупой улыбнулся.

– Филимон, я ценю в вас стремление припасть к источнику благодати, коим является Священное Писание, но вы каждый раз удивляете меня своей интерпретацией прочитанного. Если вы желаете сослаться на Книгу Исхода, там написано «не суди превратно тяжбы бедного», совершенно не «ближнего». Вам ещё вредно читать Источник, не укрепившись как следует умом, о чём я не раз вам говорил.

Филь тяжело вздохнул:

– Брат Николай, у нас нет времени на укрепление моего ума! И, помнится, я просил называть меня настоящим именем в отсутствие поблизости ваших знакомых.

Отец Николай, сухой и подтянутый, казавшийся выше из-за худобы монах с тонким прямым носом и пронизательным взглядом, по-отечески улыбнулся.

– Что я помню – это изгнание вами демона из моей парижской хозяйки и наш последовавший за этим договор, закрепивший то, что во избежание неприятностей я называю вас Филимон Югге и вы не ведёте смущающих речей о месте, откуда прибыли. Также вы учите меня известным вам премудростям в нелёгком деле борьбы с демонами. В свою очередь я берусь душой и телом помогать вам в вашем деле, используя доступную мне мудрость святого Ордена доминиканцев, которому и достанется слава, буде такая случится. Последнее для меня важнее всего, и ради этого я согласен терпеть вашу юность и ребячливость, что не снимает с меня бремени учить вас и следить, чтобы вы не угодили в неприятность с властями. Так вот, имя, которое вы носите дома, здесь может принадлежать разве что пастушку, но никак не рыцарю

веры, за которого вас принимают и коим вы, по сути, являетесь, хотя не устаёте это отрицать. Ваше настоящее имя вызовет здесь слишком много вопросов, мой юный друг!

Подобными лекциями заканчивались все попытки Филя отвоевать себе свободу в высказываемых мыслях и поступках с тех пор, как он нарисовался на пороге жилища Николая Эймерика, который совершенно не выглядел как монах. Он не носил тонзуры и одевался в светское платье, за исключением случаев посещения аббатств и монастырей, в связи с чем не уставал таскать за собой сундук с одеждой.

Филь мирился с ним, потому что помнил с их прошлой встречи: отец Николай умён, наделён любопытством и готов сражаться с любым дьяволом, который встретится ему на пути, а ради этого способен и поступиться догмами. Он также мылся не реже раза в неделю, что составляло резкий контраст с его пахучими собратьями. Ещё он неожиданно много знал о монахах, хотя относил их к слугам Сатаны, а не к животному миру, как Филь. В этом монах не отличался от отца Бруно, с которым даже Алекса старалась не спорить, и Филь тем более не собирался возражать отцу Николаю. Зато, как видный слуга церкви, доктор богословия Николай Эймерик сэкономил кучу денег на постое, легко находя прибежище в монастырских дворах Франции, Наварры, Арагона и Каталонии, пока они полгода гонялись за нергалом по имени Валафар.

Погоня подходила к концу. С момента отбытия из Нового Света Филь завершил круг, снова оказавшись в Венето близ Падуи, и отец Николай утверждал, что это добрый знак. Чума, преследовавшая их по пятам, казалось, навечно осталась у берегов Испании. А демон-делирон, выловленный ими на ярмарке в Барселоне, сознался, что слышал о намерении Валафара вернуться в Падую.

Филя удивила хватка отца Николая, с одного взгляда определившего, что глумящийся над толпой паяц не тот, за кого себя выдаёт. Пока юноша, открыв рот, смотрел на то, как аляповато раскрашенный клоун по мановению пальца заставляет людей совершать что ему хочется, отец Николай прокрался на зады сцены и, воспользовавшись жезлом, обездвижил демона, бросил его в толпу, спрыгнул в неё сам, подтащил тело к своей лошади, перекинул его через седло и, дав шенкеля, ускакал с площади. Филь еле успел его догнать.

Последовавший за этим допрос отец Николай провёл так же быстро. Уверенный, что перед ним демон, а иначе бы жезл не сработал, он несколькими порциями «замораживающего» пламени пресёк череду превращений, в которую ударился очнувшийся привязанным к дереву делирон, что заодно лишило демона большей части его гипнотических способностей. Безжалостно допросив десятилетнюю замарашку с косичками, вид которой решил напоследок принять демон, монах казнил её, не дрогнув под взглядом молящих о пощаде глаз.

Филь не смел и думать, высылая Арпонис отцу Николаю четыре года назад, что монах окажется таким талантливым учеником.

– Брат Николай, а почему вы именно здесь ждёте появления демона? – поинтересовался Филь, первым покончив с едой. – Почему не в Падуе, Тревизо или в Венеции? И почему не завтра, послезавтра, а сегодня? В этой Виченце нет ничего интересного, тут живут одни ювелирные мастера.

– Не будь ты нехристом, Филимон, ты бы знал, почему именно сегодня, – ответил монах. – Сегодня – время рождественской мессы, которая начнётся ровно в полночь по всей Италии.

Филь содрогнулся при мысли, что придётся, как уже случалось, стоять мессу в душной, битком набитой народом церкви. Отец Николай, подметив это, вздохнул.

– Я знал, что ты не встретишь это известие радостно, как положено христианину... Что ж, ты сам лишаешь себя святой благодати!

– Мне хватает того, что я вынужден изображать идиота-послушника каждый раз, как мы оказываемся в обществе ваших святых братьев, – проворчал Филь.

Отец Николай ополоснул пальцы в чаше с водой.

– И, должен заметить, у тебя это талантливо получается. Ты расторопен, обладаешь отважным сердцем и в то же время умеешь молчать, когда тебе это выгодно. Поэтому у меня не умирает надежда ввести тебя в лоно Церкви – ты прирождённая длань Господа!

Филь сунул руки в карманы шерстяного плаща и покрутил в пальцах перстень с печатью, изображавшей собаку, несущую в пасти горящий факел. Этот перстень был подарком отца Николая, расчувствовавшегося в день, когда Филь из озорства наставил Арпонис на спину хозяйки парижской квартиры монаха, нажал на «петлю» и через миг обнаружил себя перед разъярённой веларой, которую и прикончил. Отец Николай тогда сразу подобрел, а после обстоятельного разговора с Фильем горячо заверил в своей готовности помогать. Когда же хозяйка очнулась и обнаружила себя постаревшей на двадцать лет, им двоим пришлось быстро уносить ноги из Парижа, чтобы сберечь уши от её воплей.

– Ваш бог пугает меня, мы не сойдёмся в цене, – буркнул Филь.

Монах осуждающе покачал головой.

– Господь – наш отец, а цена здесь – твоя душа, сын мой!

Едва заслышав «сын мой», Филь, как всегда в таких стычках, поторопился напомнить, прерывая готовый обрушиться на него поток слов, к которому отец Николай был склонен в силу избранной им профессии:

– Дорогой брат, вы не на проповеди! И вы до сих пор не рассказали мне, почему выбрали Виченцу.

Монах снисходительно улыбнулся.

– Быстрый умом, ты иногда пропускаешь важные детали! А не сообщил ли нам делирон, что у Валафара появился слуга, демон-обзес, рыскающий по окрестностям в поисках пристанища, достойного его господина? После того, что ты поведал мне о статусе нергалов, я предполагаю, что сие пристанище должно быть не меньше, чем вилла, а то и дворец. То есть обзес, который может быть великолепным красавцем и умеет менять признаки пола, будет искать себе богатую жертву, которую он попытается совратить и поставить себе на службу. Для быстрого совращения нужно выказать стать, что непросто делать под тяжёлыми одеждами в Падуе, Тревизо и Венеции, где в это время часто идёт мокрый снег и день-деньской стоит густой туман. Это хорошо для прячущегося Валафара, но плохо подходит целям обзеса. В Виченце же, как мы наблюдаем, нет тумана, потому что она дальше от побережья, и даже с температурой нам сегодня повезло. Поэтому обзес появится здесь, в чём я не сомневаюсь, и появится именно тогда, когда обеспеченные граждане города начнут стекаться на мессу к базилике Феличе и Фортунато, представляющей здесь наименьшую из всех храмов угрозу для слуг Сатаны, потому что она выстроена на месте языческого некрополя.

Для Филья беседовать с отцом Николаем было зачастую как беседовать с Прением: раз-два – и всё разложено по полочкам. Вот если бы ещё монах пореже вставал за проповедническую кафедру...

– Предлагаете морозить зад на улице, ожидая полуночи? – спросил он. – Таверна-то скоро закрывается!

В полутёмном помещении остались только они, разве что служка продолжал отираться поблизости. На его лице было написано нетерпение, но он не смел торопить путников, одетых чисто и добротно.

Отец Николай поднялся, и Филь рассчитался со служкой. Жадина монах не утруждался платить за себя. Однако без него Филь тратился бы на постой, и поэтому он не возмущался.

Они вышли в тёмный переулочек в двух шагах от площади, на которой красовалась базилика Феличе и Фортунато, освещенная множеством масляных фонарей. Было свежо, но не промозгло. На брусчатке играли отблески света от фонарей базилики, зажжённых также внутри массивного здания.

– Пойдём посидим там в келарне, – сказал отец Николай, беря Филья под руку. – Участвующие в службе сейчас одеваются, одному келарю нечего делать. Только ни слова...

– Знаю, знаю, – перебил его Филь, – они не доминиканцы, поэтому молчок о наших делах, чтобы вся слава досталась вашему ордену.

Монах потрепал его по плечу. У парадного входа в базилику им преградили дорогу два стражника с алебардами, но отец Николай показал свой перстень, сказал, что является терциарием Ордена доминиканцев, и их пропустили.

Украшавшие церковь монахи устали было на незнакомых путников в светском платье, осеняющих себя на пороге крестным знаменем, но, услышав: «Ordo fratrum praedicatorum, мы странствующие проповедники, нас ночь застала в пути...», – поприветствовали вошедших подобающим образом и вернулись к своим делам.

Оставив Филья в пустой келарне, отец Николай пошёл представиться настоятелю. Ходил он долго, и юноша успел задремать. Проснувшись, Филь обнаружил доминиканца в обществе лысого, как колено, келаря. Два брата вели благочестивые разговоры.

Колокольный перезвон прервал их беседу. Отец Николай сразу засобирался и взглядом поторопил Филья.

– Дорогой брат, я не хочу пропустить начало службы!

Попрощавшись с келарем, они вышли в храм и встали с правой стороны, под хорами, откуда было удобно наблюдать за празднично одетым входящим людом. Филь оценил задумку монаха явиться сюда в неброской светской одежде: чужие взгляды скользили по ним, не замечая.

Потупясь, охотники замерли в тени, словно стесняясь занять места на лавках в таком привилегированном обществе и одновременно желая стоять ближе к алтарю. Будь отец Николай одет в орденское облачение хабит, кто-нибудь непременно захотел бы уступить ему сидячее место.

Первые ряды в быстро заполняющемся храме занимали расфуфыренные господа. Вонь от этих сеньоров и сеньор стояла невообразимая – у Филья даже заслезились глаза. Он знал, что его соотечественники редко моются зимой, в отличие от жителей стран Северной Европы, где, казалось, никто никогда вообще не мылся, но это было уже чересчур.

У одной красавицы в кружевах, перьях и белоснежных перчатках темнела грязь за ушами. Над ней висело облако духов, способных одурманить демона. У её не менее важного спутника руки были в зловещих пятнах.

Филь твёрдо решил уносить отсюда ноги, едва они схватят или прикончат Валафара. Его тошнило от всего этого, включая остановки в аббатствах, где было ещё хуже: монахи считали любое открытое окно за преступление, будто снаружи их ждал не чистый воздух, а смертельный яд. Но побег из Старого Света требовал путешествия в Сугдею. Оставалось ждать весны и с оживлением навигации наняться на попутный корабль. А пока Филь решил, едва они разделаются с нергалом, навестить родной дом в Неаполе.

Последняя мысль привела его в чувство, и он с новым вниманием принялся всматриваться в лица уже почти заполнивших храм людей, выискивая среди них выдающееся своей красотой. Отец Николай занимался тем же, судя по его носу, поворачивающемуся, как флюгер, то туда, то сюда.

Оглядев ближайшее окружение, Филь не заметил никого выдающегося и ничего странного, кроме погружённого в молитвы монаха, не потрудившегося скинуть капюшон с головы. Он мешал Филью разглядеть дальнюю часть четвёртого ряда, утопающую в полумраке, невзирая на уйму зажжённых здесь ламп и свечей.

– Сто свечей горит, только света нет, – пробормотал Филь, сдвигаясь в сторону, чтобы лучше видеть людей.

Отец Николай придержал его за локоть.

– Не торопись... Что ты сказал?

– Темно тут, несмотря на все эти свечи, – повторил Филь.

Его слова, казалось, встревожили отца Николая. В этот момент раздались звуки органа, и охотникам стало не до разговоров.

Пока продолжались песнопения, отец Николай медленно смещался к выходу, не отрывая глаз от затенённого места, на которое указал ему Филь. Монах верил во многие странные вещи и часто надоедал занудными рассуждениями, но после клоуна-делирона юноша доверял его нюху на демонов. Сам Филь мог обнаружить демона лишь с помощью Арпониса, доставать который в этом обществе раньше времени было неразумно. А когда настанет момент, достаточно будет повернуть толстую макушку пустотелой дубинки, висевшей на поясе, чтобы жезл сам скользнул в руку.

Дубинку было не отличить от обычной. Её полукруглая крышка крепилась замком по типу «ласточкина хвоста» и открывалась с полуоборота, затем её можно было оставить висеть на суровой нити. Эти «ножны» для жезлов соорудил Филь после того, как отец Николай посетовал, что боится расстаться с Арпонисом по воле какого-нибудь сеньора или настоятеля аббатства, которым может приглянуться увесистый кусок серебра. Филь понял, что хитрый монах никому не рассказал о посылке из Нового Света и, владея жезлом четыре года, успел увериться в его полезности, судя по тому, что более не порывался отдать Филью под церковный трибунал.

Когда монах достал свой Арпонис, Филь быстро проделал то же. Оба завели жезлы за складки плащей, продолжая двигаться к высоченным дверям. Глаза собаки на набалдашнике жезлов показывали, что в церкви определённо прячется демон и кто-нибудь мог заметить светящиеся камни.

Филь желал поскорее узнать от обзеса, где искать в Падуе проклятого нергала, и потому едва не наступил на пятки отцу Николаю, когда тот неожиданно остановился. В этой части храма толпились в основном небогатые прихожане с нечистыми лицами и плохими зубами. Дух здесь был крепче, чем у алтаря, спасали только открытые на улицу двери. От возможных карманников их охраняли давешние стражники с алебардами.

Отец Николай шепнул Филью на ухо:

– Слева у пятой колонны девица с головой под шёлковым покрывалом, рядом господин в чёрном плаще, оба подходят... Жди!

Девица впрямь была хороша. С правильными чертами лица, блестящими глазами и румянцем во всю щёку, она сидела на краю скамьи, то и дело склоняя гибкий стан к своему спутнику, обращаясь к нему. Казалось, она не ведает, что во время службы нельзя болтать. Но говорила она тихо, никому не мешая, и даже наоборот, представляла собой усладу для немалого количества восхищённых мужских глаз.

У сидевшего рядом господина было хмурое породистое лицо, мощная шея и широкие плечи. Он более смахивал на римского воина, чем на узкоплечего итальянского аристократа. Сидел он не двигаясь, не обращая внимания на теперь уже женские взгляды, во множестве устремлённые на него.

Священник пошёл по рядам, раздавая Святое причастие. Отец Николай впился пальцами в локоть Филья.

– Матрона в тёмном платье справа от господина в плаще – ведьма!

– С чего ты это взял, брат Николай? – шёпотом удивился Филь.

– Она приняла облатку себе под язык... Ведьмы получают тело Господне не на язык, а под язык, потому что так им легче вынуть потом облатку к собственному применению, творя преступления против Творца!

– И что мы теперь будем делать? – спросил Филь, который ни на секунду не поверил в «ведьму» с её облаткой, ощущая лишь досаду от того, что монах не вовремя закусил удила: разбираясь с несуществующей ведьмой, они могут упустить настоящего демона.

– А вот что!

Отец Николай принялся бесцеремонно прокладывать себе путь сквозь плотную толпу, кратко отвечая на раздавшиеся возмущения:

– Пустите слуг Господа... Пропустите, не толкитесь под ногами!

– А кто вы такие, чтобы выдавать себя за слуг Господа? – рассердился толстяк, которого было легче перепрыгнуть, чем обойти.

Отец Николай сунул ему под нос кулак с перстнем и рыкнул распространённое в народе название своего ордена:

– Domini canes!

Купец отпрянул в сторону.

– Псы Господни! – зашептали в толпе. – Еретика пришли хватать... Дайте им дорогу!

Не первый раз сталкиваясь с эффектом, производимым именем ордена на обычный люд, Филь придал своему лицу важное выражение и скользнул следом за отцом Николаем.

В этот момент сидевший в центре храма монах в капюшоне вскочил на ноги, а вслед за этим раздался долгий, полный ужаса вопль.

2

Когда спрашивают, какого вида тело принимает дьявол, требуется отвечать, что, в соответствии с его природой, одно дело говорить о начале его появления, а другое дело говорить о его конце. Ибо вначале это просто воздух, но в конце он принимает некоторые свойства земли. Всё это дьявол, с разрешения Бога, совершает по собственной воле, и хотя телесность подчиняет его местным законам движения, но не запрещает принимать любую форму...

Молот ведьм. Часть II, вопрос I, глава IV, 1-е англ. издание, 1928, библиотека Кёльнского университета, Германия

Захлебываясь, истошно вопила сеньора в двух рядах позади господина в плаще. Сидевшие на скамьях вскочили на ноги, пытаясь понять, что с ней случилось, а она только тыкала рукой в широкоплечего господина, который за две минуты потерял вдруг все свои волосы.

Монах в капюшоне выпростал из-под сутаны меч. Матрона, которую отец Николай обозвал ведьмой, ахнула, расставив руки. Увидев оружие, остальные дамы в церкви оглушительно завизжали.

Перекинув меч в левую руку, монах врезал матроне по челюсти, и, пока она валилась между рядами, вмиг облезший сеньор с девицей-соседкой вскочили на спинку скамьи, оттуда перепрыгнули ближе к дверям; затем глаза лысого встретились с пристальным взглядом Филья.

– Ты! – злобно ощерился лысый, решительно теряя человеческий облик.

Филь поёжился. Но он уже не боялся этой твари по-настоящему. Не после Алексы.

При виде демона, чей плащ превратился в крылья, в церкви начался сущий бедлам. Пока вооружённый мечом монах перемахивал через скамьи, толпа снесла Филья и отца Николая к дверям, где застряла. А недавняя румяная красавица прыгнула на спину нергалу и вынеслась с ним в окно, выбив витражное стекло. Лучи Арпонисов только слегка задели их тела.

Взревев диким вепрем, монах с мечом понёсся по плечам и головам к выходу. Когда Филь с отцом Николаем высвободились из самой гущи народа и выбежали следом, то увидели на площади битву между монахом, стражниками и нергалом.

«Девушка», чьи волосы теперь напоминали извивающихся червячков, лежала на брусчатке, воя на одной ноте и баюкая правый бок. Нергал, левое крыло которого волочилось по земле, пытался схватить монаха с мечом, делая зловещные выпады. Капюшон с буйного монаха слетел, обнажив голову обычного старика с бородой без тонзуры. Он играючи отражал натиск стражников, наседавших на него, не замечавших плясавшего в двух шагах от них демона.

Филь оценил неестественное, неподвластное человеку мастерство, с которым старик орудовал мечом. Дедушка несколькими ударами покончил со стражей и отхватил нергалу кусок неповреждённого крыла. В ответ демон полоснул старика когтем по лицу. Тот отшатнулся, зажав рукой рану.

– Остановись, кто бы ты ни был, у нас есть оружие получше! – возопил отец Николай, бросаясь вперёд.

Филь вскинул жезл и вслепую нажал на оружейный орнамент, окатив демона струёй пламени. Судя по замедлившимся движениям нергала, это оказалась «снежинка».

Старик раздражённо махнул мечом в сторону отца Николая. Филь едва успел перехватить его руку, которая была словно выкованная из железа. С залитым кровью лицом старик люто глянул на него.

– Смерти ищешь, отрок? – злобно прошипел он, но вдруг опустил свой меч.

Воспользовавшись моментом, нергал вонзил когти в спину отца Николая. Доминиканец всхлипнул, глухо кашлянул, на его губах показалась кровавая пена, глаза закатились и он упал.

Филь в ярости пошёл на демона, выставив перед собой жезл и уже точно зная, на какую фигурку сейчас ляжет его палец. Нергал с той же скоростью попятился назад. Он сказал, прищёлкнув зубами:

– Ты зачем явился сюда, палач? Я не тронул тебя летом, хотя мог, теперь же ты вывел меня из себя. Я снова оживу и вернусь, это не последняя моя жизнь! И тогда умершие окажутся разбросаны по улицам, и от их трупов поднимется смрад, и они будут вызывать столь же участия, сколь издохшая под забором коза...

Филь в бешенстве послал в его грудь белую молнию и опустил жезл:

– Когда вернёшься, тогда и поговорим, урод!

Демон исчез в поднявшемся на мгновение вихре.

Филь обернулся и понял, почему старик не стал вмешиваться: придавив коленями извивающегося обзеса к земле, он лечил жезлом монаха. Закончив, он встал, прикончил полуживого демона, повертел в руках жезл и смерил Филь внимательным взглядом. Сообразив что-

то, он пнул пустотелую дубинку доминиканца и, присев на корточки, разгадал, как её открыть, сунул в неё Арпонис и закрыл крышку. Затем поднял на Филя удивительно светлые для этой части Италии глаза:

– Ну что, возвращаемся?

Филь молча кивнул, только сейчас сообразив, кто перед ним, не в силах понять, откуда у Ирения раковина, как он собрался её зажигать, почему он такой старый и где он научился так славно махать мечом.

На следующий день друзья предстали пред очами личного секретаря императора, Клемента, после того как славно выпалились в доме Филя.

Вне себя от радости от их возвращения, госпожа Фе и Габриэль с Эшей накормили путников и наложили лечебную повязку на рану бывшего Ментора. Затем выпросили у обоих всё до мельчайших подробностей, а Филь получил ответы на возникшие у него в Виченце вопросы.

Семь месяцев назад, скрывшись в окружавших Алексу лесах, Ирений недолго бродил там и наткнулся на юную велару. В ярости он хотел прикончить её, но вовремя обратил внимание на необычное дружелюбие демона. Сгорая от желания наказать сбежавшего нергала и находясь в отчаянии от того, что не имел понятия, где его искать, он решился на сумасшедший поступок: допросить самого опасного в Империи демона, не имеющего к тому же органа речи.

Он протянул руку, велара в ответ протянула щупальце. Ирений взялся за него, и она мысленно предложила ему сделку. Ирений согласился поселить любознательного демона в себе, за что велара клятвенно обещала привести его к нергалу, который её чем-то сильно обидел. Она также вылечила Ирения от старой хромоты и обучила его тело фехтовать не думая. Ещё она подсказала, что нергал вряд ли останется в Новом Свете после уничтожения Алексы, а значит, Ирению понадобится Открывающий Путь. Его они нашли в развалинах мужского dormitorio в обугленном сундуке Филя.

Потратив месяц на длинную дорогу, ибо ни одна лошадь теперь близко не подпускала к себе Ирения, они добрались до окрестностей Хальмстема. Ирений затратил на инициализацию раковины полдня, после чего, плохо зная Старый Свет, стал открывать Врата, куда Один на душу положит, пока не услышал от велары «здесь!». Затем он полгода шёл по следу нергала, который попетлял по Италии, перебрался в Испанию и снова вернулся в Италию.

Велара уже хотела бросить надоевшего ей носителя, коего успела хорошо изучить, когда они наконец оказались в Виченце. Испытав необычный подъём сил, а именно так не имеющий языка демон показывал, что они на верном пути, или подтверждал невысказанную мысль, Ирений выделил для завершающей охоты базилику Феличе и Фортунато, после чего велара немедленно его покинула. Произошло это в середине дня на оживлённой улице, где Ирений рухнул без чувств.

Очнулся он утром в консерватории-приюте для бездомных, куда его отволокла городская стража. Его сапоги и китель исчезли вместе с Арпонисом. На гнилом сене рядом храпел монах. Судя по его дыханию, он был смертельно пьян.

Ирений посидел, собираясь с мыслями, и решил, что в сутане ему будет теплее, а монаху всегда помогут его собратья. Ставив с него одежду, он отправился искать ближайшую кузню, чтобы подзаработать на еду. Ирений давно привык зарабатывать так в Старом Свете.

– В общем, вы оставили доминиканца лежать на площади в компании двух мёртвых стражников, – задумчиво проговорил господин Клемент, выслушав их рассказ.

Личный секретарь императора не сильно изменился за прошедшее время. Его узкое лицо с горбатым носом повисело над отчётом, который Филь был вынужден написать, изломанные

брови подвигались туда-сюда, дивясь чему-то, затем чёрные раchy глаза остановились на недавних путешественниках.

– Уверен, что у этого Валафара, – господин Клемент снова опустил нос в отчёт, – теперь на тебя зуб.

Он с сочувствием посмотрел на Филя.

– У нергалов вроде три жизни, одну ты отнял, другую он, возможно, потерял ранее. А может, и нет. Но минимум одна неприятная встреча тебе с ним гарантирована.

Филь равнодушно пожал плечами.

– Ещё раз встречу – опять ужокошу!

Господин Клемент согласно покивал.

– Да уж ужокошь, будь добр. Вот же проклятье нам на голову! Хуже сердаров, ей-богу.

Последняя ремарка относилась, по-видимому, к недавнему побоищу, устроенному сошедшим на берег моряком в Унсете, о котором Габриэль не преминула поведать накануне. Застав дома жену с любовником, моряк схватился за нож и, пока его не успокоили стрелой из арбалета, покрошил жену, любовника, троих своих детей, прибежавшего на крики соседа и опцион портовой стражи. По общему мнению, такое мог совершить только сердар, и ещё хорошо, что у него не оказалось при себе меча.

– А вообще, спасибо тебе, малыш, за службу, это надо было сделать, – устало произнёс господин секретарь.

Филь, которому в мае исполнялось семнадцать, поморщился при слове «малыш». Он ждал, когда Клемент начнёт выговаривать ему за что-нибудь – без этого не обходилась ни одна их встреча, но господин секретарь вдруг переключился на Ирения:

– Чума уже в Италии?

– Да, – ответил Ирений. – Видел много людей с бубонами за ушами и на шее в той церкви, где мы настигли нергала.

Господин Клемент тяжело вздохнул.

– Значит, она замкнула круг... Ну, жди теперь пожара! Выкосит каждого второго, и самое ужасное, что даже у сердаров нет средства от неё.

– А откуда она вообще взялась? – спросил Филь. – Выскочила как чёрт из коробочки!

Господин Клемент угрюмо объяснил:

– В тот год, когда наш император превратил Хальмстем в груды камней, геноуэзцы в Старом Свете, воспользовавшись засухой и голодом в крымских степях, организовали скупку детей у татар по дешёвке. Делали они это для нас, но татары решили, что для работоторговли. Их хан, узнав об этом, возмутился и двинул войска на Каффу, осадив её. А прошлым летом, когда среди осаждавших появилась чума, хан решил использовать трупы умерших воинов для мести и приказал перебрасывать их через городские стены. Потом он снял осаду и уехал в свои степи. Осаждённые разъехались, развозя чуму по Европе. И теперь нам предстоит каким-то образом изолировать Империю, пока мы сами тут все не перемерли!

Вид у Клемента сделался печальный. Такой господин секретарь сильно нравился Филю. По меньшей мере он не цеплялся к словам и не учил жизни.

– А вам, Вайларк, следовало бы вместо лечения монаха вылечить рану на своём лице, – безрадостно заметил господин секретарь. – Раны от когтей нергала остаются с нами на всю жизнь, если не излечить их в первые сутки Арпонисом.

– Я это переживу, – произнёс Прений невозмутимо.

– Но монаха-то вы вылечили как следует?

– Конечно, – подтвердил Прений.

– А как вы смотрите на то, чтобы опять послужить Империи? Господин де Хавелок теперь заседает в Совете, должность Мастера Хальмстема свободна.

В глазах Филья это было щедрое предложение человеку, который всего четыре года назад был кузнецом в замке, два года назад недолго служил армейским декурионом, затем примипилом Чрезвычайного трибунала и год назад сделался Ментором в Алексее.

Прений оказался не дурак и согласился:

– Готов!

– Тогда приведите себя, пожалуйста, в порядок. Сбрейте эту вашу ужасную бороду и подстригитесь, а то вы выглядите как престарелый леший. Также я советую вам поискать доброго лекаря: настоящий возраст он вам не вернёт, но поможет сбросить десяток-другой лет с вашего облика. Я слышал, что сердарские настои творят чудеса после тесного общения с веларой.

– Мне есть к кому за этим обратиться, – ответил Ирений.

– Ну а потом приходите ко мне, и мы обсудим, что нам делать с чумой на наших границах.

– А мне что делать? – спросил Филь.

На лице господина Клемента в придачу к безрадостности проявилось выражение безнадёжной усталости, словно было в его жизни нечто безмерно надоевшее ему, навязчивое и остервеневшее до последней степени.

– А ты отправляйся к своему родственнику, – он показал на раздвижную дверь слева от себя. – У него на тебя свои планы!

Невысокий, полный, кудрявый и уже заметно седой император Флав приветствовал вошедшего в своей манере: бросив выглядывать что-то в одном из трёх окон, освещавших просторный зал с огромным столом посередине, он устремился к Филью, обежал вокруг гостя, оглядывая его с головы до ног, придвинулся почти вплотную к нему, взялся одной рукой за его пуговицу, а вторую положил ему на плечо.

– Неплохо, неплохо, – проговорил он скороговоркой. – Даже отлично! Живой-здоровый, на своих ногах, и румянец во всю щёку... Ну, теперь я спасён!

Он повернулся к двери, ведущей в его личный кабинет, доступ в который был только у его жены и у господина Клемента.

– Руфина! – гаркнул Флав. – Он здесь!

Вторая сестра в семье Фе всегда выделялась статью. Когда она вплыла в зал, Филь увидел, что по обводам и маневренности Руфина напоминала теперь тяжелогружённую шхуну. У юноши невольно сжалось сердце – так он по ней соскучился.

Руфина держала на руках полугодовалого сына, о рождении которого Филь слышал. Флав назвал его Флэвор. Малыш выглядел хорошо откормленным, а характером, видимо, пошёл в отца, потому что беспрестанно крутил головой, желая видеть всё и сразу.

– Она едва не съела меня живьём, когда узнала, на какое дело я тебя послал, – скороговоркой выпалил император, глядя на спешащую к ним жену. – Эти проклятые семейные сцены, лучше бы я никогда не женился! С другой стороны, они натолкнули меня на идею, где можно с пользой спрятаться, так что нам будет чем заняться следующие пару лет.

– Филь, – приблизившись, выдохнула Руфина грудным голосом, – мальчик мой дорогой!

Юноша испугался, что если она споткнётся, то раздавит его вместе с племянником, но обижать её не хотел и мужественно принял неизбежные объятия с непременными поглаживаниями по голове, будто он был маленький.

– Где ты пропадал, почему даже весточку не прислал? Я волнуюсь, матушка волнуется, даже Лентола уже спрашивала о тебе. Да что Лентола, Хозеки давно сошли с ума, беспокоясь, куда ты делся!

– Очень занят был, – ответил Филь, впервые за последние месяцы припомнив, что у него имеется невеста, и какая невеста!

Вспомнив о прощании, которое она устроила, он расплылся в улыбке, решив покончить с этой аудиенцией как можно скорее. Что бы ни было захватывающего у Флава в рукаве, он

разберётся с этим потом, а пока его дорога лежала напрямиком в поместье Хозеков. Оставалось отпроситься у императора.

– Верно, ты же собрался жениться, – уловив нетерпеливое выражение на лице Филя, ухмыльнулся Флав. – Тогда Западная башня и тебе сможет стать прибежищем, когда приспичит. Даю отпуск на десять дней, езжай в свою Менону!

При упоминании башни Руфина скривилась:

– Ты совсем там поселился, скоро дети забудут, как ты выглядишь, ещё и Филя сманиваешь туда!

Флав нервно пожал толстыми плечами.

– Подрастут – заново познакомимся, а пока с ними даже говорить не о чем. Я задумал отапливать оттуда весь замок, – сказал он Филю, игнорируя рассерженную жену, которая махнула напоследок брату и выплыла с сыном из зала. – Наша гильдия дала первый газ, пока немного, потому что зима на дворе, но уже облегчила мои траты на освещение. А ещё я хочу не тратить на дрова.

Филь и не надеялся, что разговор так быстро повернёт в эту сторону.

– Значит, я могу получить первую порцию денег в счёт погашения займа? – спросил он.

«Здорово, – подумал он с радостью, – не прошло года, как были сделаны чертежи, а он уже всё построил. Видимо, Руфина так хорошо досадила ему, что оставалось только прятаться на стройке...»

– Можешь, – подтвердил Флав, – ты и твой друг-кузнец. Идите к Клементу, он выдаст вам причитающееся.

Не застав в приёмной Ирения, который успел исчезнуть со своей долей, Филь забрал золото у секретаря и припустил к дому, где обнаружил друга в гостинной за разговором с Эшей.

– Я отлично знаю, что тебе нужно, – говорила Ирению стриженная Эша, одетая в мужскую одежду, что делало её похожей на юного паломника. – Велара – сатанинское отродье, которое хлебом не корми, дай напасть на сердара. Так что возвращение привычного облика после тесного знакомства с ней – это обычное для нас дело. Только вот...

Она бросила взгляд на вошедшего Филя, выпроставшего из-под плаща мешок с золотом. Второй такой же лежал на столе перед Ирением.

– ...пока ты лежишься, вино тебе воспрещается. Поэтому если настроен отметить возвращение и факт, что наш император для разнообразия, как я вижу, держит слово, у тебя остаётся только сегодняшний вечер.

«Для разнообразия» Филь заменил бы на «неожиданно» – так его удивила лёгкость получения денег. Госпожа Фе успела рассказать, как Флав, ударившийся в экономию после разрушения Кейплига, прихлопнул надежды семьи на получение даже тощей прибыли с Хальмстема.

Пока два его владельца, Филь с Ирением, гонялись по Старому Свету за нергалом, Флав протащил через Совет решение, по которому снабжение Хальмстема в связи с его важностью для безопасности Империи осуществлялось исключительно людьми, утверждёнными Советом. А Совет в лице его председателя, Клемента, вычеркнул владельцев из списка, за что установил им компенсацию в тысячу серебряных аспров, или сто империалов в год.

Такую возможность обойти их на повороте Филь прошляпил, но угрюмо оценил целеустремлённость Флава: император всё-таки построил замок на чужие деньги, а Клемент, как и обещал, будет их теперь понемногу выплачивать сто двадцать лет подряд.

Таким образом, внезапная выплата дивидендов явилась славным сюрпризом. Совесть проснулась, решил Филь, которого жулик-император не первый раз обводил вокруг пальца. Они с Ирением сегодня получили тридцатую часть от вложенного в Газовую гильдию, что составило по пятьдесят империалов на брата, плюс около сотни золотых, спрятанных в амбаре в Меноне, – этого должно было хватить на несколько лет, даже учитывая скорую свадьбу Габриэль с Яном Хозеком.

Остальное золото тоже было недолго ждать, судя по хватке императора, решившего после освещения столичного замка заняться самым прибыльным местом – переулком Пассифон, где располагались бордели и дома свиданий. Спешно проложив туда трубу и установив газовые рожки, Флав запретил обитателям переулочка пользоваться свечным и масляным освещением «в связи с пожароопасностью», о чём Габриэль и Эша, хохоча, поведали Филю.

Не имея ничего против прогулки по городу, Филь сказал двадцативосьмилетнему другу, который выглядел как шестидесятивосьмилетний:

– В самом деле, дедушка Вайларк, пойдём! А то вернулись мы глухой ночью, я уезжаю завтра рано утром и пока видел только пару улиц и императорский замок, а все говорят, что тут за последний год понастроили красот.

Ирений нахмурился.

– Как ты меня назвал?

– А тебя никто не заставлял таскать в себе полгода ту велару, – рассмеялся Филь. – Извини, больше не буду!

Ирений с Эшей поднялись, и тут в дом ворвалась Габриэль со степенно ступающей следом матерью. Румяная девушка выглядела счастливой как никогда. Она заметила на столе мешки с золотом и резво повернулась к Филью:

– Это твои?

Он показал на свой и сказал:

– Только один.

Госпожа Фе тепло улыбнулась ему:

– Ты иногда напоминаешь мне фокусника, дорогой! Едва я начинаю волноваться, что нам не на что будет жить, как ты появляешься на пороге с мешком денег.

Габриэль состроила виноватую физиономию:

– Ты и впрямь вовремя нарисовался, дорогой братец, а то мы сегодня потратили последние деньги на мои свадебные наряды!

– Тогда уж «дорогая сестрица», – хмыкнул Филь, стараясь не выказать недовольства пустыми, по его мнению, тратами. – Я завтра отправляюсь в Менону, пусть мне приготовят коня, – попросил он госпожу Фе.

– Я распоряжусь, – ответила она.

– А что ты сам не сбегашь на конюшню? – поинтересовалась у него Габриэль.

Конюшни Почтовой гильдии, где Филь держал своего коня по кличке Ветер, находились в пяти минутах ходьбы от дома.

– А мы хотим успеть до заката показать Филью город, – протараторила Эша, беря брата под руку и торопясь к выходу. – Его здесь не было полтора года!

Насчёт заката она погорячилась: когда они вышли на улицу, там начинало темнеть и после посещения первой встреченной ими таверны стемнело окончательно.

– Мне много нельзя, я потом ничего не помню, – предостерёг Филь, чокаясь с глиняной кружкой Ирения.

– Не волнуйся, я знаю об этом, – хихикнула разрумянившаяся Эша. – Габриэль нам рассказала о вашей пьянке в Алексе. Ну, за победу над нергалом!

После следующей таверны Филь обратил внимание, что Эша здорово похорошела на свежем воздухе. Её большие серые глаза, глядевшие на него из-под капюшона, сияли. Как и фонари на ближайшей улице, где Ирений вдруг провалился куда-то будто сквозь землю, а Эша потащила Филья за собой, схватив его за руку, желая что-то показать.

Обнимаясь и хохоча, они прошли по освещенному переулку, затем Эша тоже куда-то исчезла, а Филь обнаружил себя в большой, богато оформленной комнате, где к нему подошла девушка невиданной красоты с алой шёлковой лентой в волосах, одетая не хуже, чем была одета Эша, когда спасала их из Бейнака, и мягко взяла его за руку.

– Курносый блондинчик, если у тебя найдётся один золотой, ты можешь остаться здесь хоть на всю ночь, – проворковала она.

3

Погоня за уникальностью при недостатке адекватности зачастую превращает близких в свидетелей результирующей неудовлетворённости, то есть, я бы даже сказал, неудовлетворяемости...

Янус Хозек, из манускрипта «Биография предательства», библиотека Катаоки

Входная дверь с грохотом захлопнулась за Филем.

– Отправляйся и исправляй, что ещё можно исправить! – расслышал он из-за неё напутствие разъярённой госпожи Фе.

Юноша застыл на крыльце, дрожа от холода. На улице был сильный мороз. Глубоко вздохнув, он закашлялся, натянул на рот шарф, надвинул поглубже шапку и зашагал по скрипучему снегу к конюшням Почтовой гильдии.

Он не понимал, что произошло. Возвращаться же и выяснять у госпожи Фе, в чём причина, ему не хотелось. Когда он под утро добрался до дома, то упал, не раздеваясь, на кровать. А уже через час его чуть не пинками выгнали в Менону.

«Ладно, поедem! Там узнаю, в чём дело», – решил он.

Последняя неделя декабря в Кейплиге выдалась такой же холодной, какой бывала обычно в Алексе. Филь шагал по освещённым фонарями улицам, чувствуя, как его руки леденеют в перчатках, и думал, что придётся позаимствовать в конюшне тёплые рукавицы. Его конь Ветер должен пережить эту поездку, а вот самому ему как бы не пришлось ампутировать пальцы.

Малолетний круглолицый конюх, разбуженный в неурочный час, выругался, но выбрался из своей каморки и отправился запрягать коня.

– Куда тебя несёт-то ни свет ни заря? – угрюмо поинтересовался он.

– В Менону, – ответил Филь, здороваясь с Ветром и глядя его по довольной морде.

Здоровенный жеребец Почтовых кровей фыркнул и сунулся носом в ладонь. Филь, которого вышвырнули из дома, не накормив даже завтраком, пожалел, что не успел захватить с собой хотя бы морковь.

– Нету у меня ничего для тебя, – сумрачно проговорил он. – В Меноне получишь какое-нибудь лакомство.

Конюх с сомнением глянул на него, но Филь был одет как надо для дальней дороги: в сапоги мехом внутрь, такой же плащ и тёплую шапку.

– Ты хоть не гони его, пусть едет как хочет, а то застудит грудь и потом его только на мясо, – предостерег мальчишка.

Филь кивнул в знак согласия, забрал повод и взобрался в седло. Выехав за ворота, он дал коню шенкеля, нимало не беспокоясь о своём обещании, считая, что если ему суждено замёрзнуть в дороге, то пусть и его верный конь упадёт рядом. В конце концов в Империи ещё не слыхали, чтобы Почтовая лошадь замёрзла: эти создания были в два раза крупнее любой другой лошади и в пять раз выносливее. Их растили для нужд Почтовой гильдии, и Филь лишь случайно сделался владельцем Ветра после трагедии в Алексе.

Жеребец шёл размашистой рысью, той самой, которая обеспечила этим лошадям их славу. Филь душил морозный ветер, сухой и колючий, но два часа до Меноны можно было потерпеть. Рассвет застал его у поместья Хозеков.

Сгоревшие двумя годами ранее кусты чилики, подожжённые господином Хозеком, дабы спасти своё поместье от разграбления французскими бандитами, успели вырасти лишь до груди. За ними Филь увидел важного юношу в соболиной шапке, который прогуливал своего

коня. Дыхание обоих клубилось в чистом морозном воздухе. Следом за ними ехала девушка, при взгляде на которую Филь ощутил, как сердце на мгновение остановилось. Кровь бросилась ему в голову. Он чуть не взвыл от досады, что не может заключить свою невесту в объятия прямо сейчас.

Заметив старого друга, Ян повернул коня к воротам поместья. Мета же, напротив, остановилась. Она никак не выразила своей радости, даже не помахала рукой, только не отводила от Филья взгляда.

– Ты с ума сошёл скакать сюда в такой мороз? – воскликнул Ян, подъехав ближе. – Слышал, в Кейплиге у людей в подвалах уже замерзает вино! И здесь сейчас ненамного теплее.

– Как будто у меня был выбор, – ответил Филь, улыбаясь другу, которого видел последний раз полгода назад. – Меня выкинули из дома, чтобы я скакал сюда, а почему – не сказали. Глаза мне не откроешь?

Он смахнул иней с ресниц, чтобы лучше видеть Мету, которая спешила и направилась к ним, ведя лошадь в поводу. Ян быстро оглянулся на сестру.

– Тебе следует знать, что с момента твоего возвращения в Новый Свет на Менону посыпались полузамёрзшие почтовые голуби от Руфины, Габриэль, Лентолы и твоей матушки, – торопливо проговорил он. – Как ты выглядишь, как себя чувствуешь, что собираешься делать, со всеми подробностями. И твои вчерашние граничащие с инцестом похождения с Эшей по Пассифону тоже не остались секретом. Готовься к буре!

Филью сделалось кисло на душе от этого сообщения. Вот, значит, откуда растут корни его сегодняшней беды. Ну он ещё наподдаст Эше, когда вернётся!

Он собирался спешиться, но рассудил, что на лошади ему будет теплее. Ян на своей отвалил в сторонку, обеспечивая сестре оперативный простор.

– Я неустанно молилась за тебя эти полгода, а ты после возвращения в Империю первым делом отправляешься в дом свиданий? – гневно выдохнула Меттина Хозек, подходя к воротам.

Её голос стал старше, как и лицо. Одинокая линия прочертила когда-то гладкий лоб. В уголках зелёных глаз появилась морщинка. Филь находил её нестерпимо привлекательной. Фигура девушки, даже скрытая под меховым плащом, оставалась точёной. Рассматривая её, он пропустил мимо ушей приветствие, но то, что Мета высказала следом, разозлило его. Он вдруг осознал, что за семь лет, проведённых им в Новом Свете, он до смерти устал от схожих обвинений, вдосталь полученных им от госпожи Фе, Лентолы и Клемента.

– Только ты мог поступить так! В полном соответствии со своим характером и воспитанием!

Не на шутку взбешённый Филь спросил:

– Мета, а тебе дороже я или твоё чувство морального превосходства? На улице лютый мороз, я не ощущаю пальцев на руках с поворота с Хальмстемской дороги, а ты несёшь эту ахинею? Я, прошу прощения, жениться на тебе хочу, а не решать твои глупые проблемы, которые никто не может решить, потому что они надуманные. Я убил в Старом Свете нергала, по вине которого погибла твоя сестра, и не чувствую себя виноватым в том, что произошло вчера!

Мета залилась краской и, подняв к нему лицо, проговорила судейским голосом:

– У меня давно выработалась устойчивость к твоим мелким и крупным недостаткам, но то, что ты вчера продемонстрировал, выходит за всякие рамки!

Разозлённый Филь только и нашёлся, что сказать:

– Это ты сама себе такой видишься? Дура!

После чего он развернул коня и дал ему такого шенкеля, что тот заржал и встал на дыбы, прежде чем перейти в галоп.

Вернувшись в Кейплиг, Филь уже не чувствовал не только рук и ног, но и щёк, а глаза, казалось, замёрзли в глазницах. На бровях и ресницах повисли сосульки. Они же свисали с

упряжи коня у его морды, а всё остальное было покрыто густым инеем. Но Ветер не сбавлял ходу, словно догадался, как и его седок, что промедление означает гибель.

Галоп закончился ещё до поворота на Кейплиг, и крупная рысь перешла в мелкую, но упрямая скотина, с характером которой Филь был отлично знаком, пёрла и пёрла без передышки вперёд. Только изредка кидала на седока злые взгляды и скрежетала зубами.

Они въехали в столицу, когда солнце перевалило за полдень. Улицы были полупусты, народ прятался от мороза по домам. От печных труб в стылое небо поднимался густой дым. Понимая, что может остаться без лошади, если не сдаст её на конюшню, Филь не стал останавливаться у своего дома. Однако доехать до расположения Почтовой гильдии ему не дал его собственный конь.

У подвесного моста, ведущего в замок, Ветер без предупреждения вскинул задом и послал Филья в полёт – в ближайший сугроб. Сам же, с болтающимися поводьями, поскакал через мост в конюшни имперской стражи, до которых было рукой подать.

Выбравшись из сугроба, Филь прокричал ему вслед:

– Мерзавец, я же замёрзну! А тебя оттуда всё равно выставят, там нет места гражданским, я плачу за тебя Почтовым!

Драть горло на морозе было больно. «Ну и ладно, и пусть, – рассудил он. – Сегодня тебя там обогреют и накормят, а завтра я с тобой разберусь!»

Он поднялся следом за Ветром на мост. В силу старых заслуг являясь одним из немногих, кому был разрешён беспрепятственный проход в замок, он зашёл в каморку стражников и обратился к бородавчатому детине, гревшему ноги над жаровней с горячими углями:

– Пометь у себя в книге: Филь Фе...

Он сбился, так как не имел понятия, к кому ему следует идти. Видеть Клементя ему не хотелось до дрожи в коленях, а Руфина, чего доброго, начала бы обвинять его в разрушении помолвки с Метой.

– Одинова борода, ты откуда такой красавец? – удивился стражник неожиданному гостю. – Весь в снегу, и нос белый. Где же ты так поморозился? Это твой конь только что проскакал? Кажется, он умнее тебя. Сейчас лучше сидеть в тепле, а не шлындать по улицам.

Филь увидел, как по замковому двору по направлению к Западной башне пронёсся в грязном тулупе, огромных онучах и косматой шапке не кто иной, как император Флав.

– К императору, – сказал он, вспомнив приглашение, принять которое сейчас было бы спасением.

– Что, прям к самому? – удивился стражник и, сверившись с книгой постоянных посетителей, недоверчиво хмыкнул: – Ну иди!

Филь бросился догонять Флава, но одеревеневшие от поездки ноги подвели его, и императора он упустил. Обнаружив себя около Западной башни – той самой, которую Флав разрушил четыре года назад, а недавно закончил строить заново, – Филь увидел в её стене низкую дверь, к которой вели свежие следы.

Потянув на себя покрытую инеем дверь, он ступил в полутёмное помещение периметром чуть меньше башни, освещенное светом факелов, к которым примешивался луч солнца, бившего откуда-то сверху.

На каменном полу, заваленном книгами и чертежами, у железной печи рядом с низким столом стоял Флав и гулко пил из большого кубка. Заметив Филья, он поставил кубок на стол и утёр рот.

– Вина хочешь? – спросил он.

– Нет, – сказал Филь.

– А будешь?

– Да!

«Хорошо быть Флавом!» – выдохнул Филь с блаженством, когда после двухчасовой бани зашёл в личную его императорского величества гостевую комнату и повалился в огромную пуховую кровать.

Банщик, долго работавший над телом юноши берёзовым веником, выгнал из костей сковавший их холод, вернув Филью подвижность и отличное настроение. Его дополнительно улучшило назначение, подписанное секретарём Клементом, по которому Филью за заслуги перед Империей присваивалось с 1 июня 1348 года звание примипила с положенной пенсией, а значит, и конь его мог находиться теперь по праву в конюшнях имперской стражи. Всё это, включая принятие присяги, Флав провернул в мгновение ока, выслушав историю поездки Филья в Менону.

– Теперь ты видишь, как Клемент ценит тебя? – сказал он, потрепав юношу по плечу после вручения назначения. – Тебя дважды мобилизовали на службу, и оба раза ты с блеском выполнил, что поручалось. Теперь ты имеешь право задирать нос и строить из себя важного господина. Только, пожалуйста, не трепи, что ты приписан к Хальмстему: для людей, знающих, что у нас к чему, это будет открытым заявлением, что ты теперь чиновник по особым поручениям, кем, по сути, являешься. Твой Вайларк специально просил обратить на это внимание.

При мысли, что его начальником будет Ирений, Филью захотелось пуститься в пляс. Он недолго протянул бы на службе, получая приказы напрямую от противного Клемента, которому Флав наверняка выкрутил руки, чтобы он дал наконец Филью официальный чин. И сразу третьего класса – просто здорово, принимая во внимание, что чиновники первого класса заседали в Совете. Конечно, Клемент никогда в жизни не даст Филью офис, но Клемент не будет жить вечно.

Юноша опустил глаза в грамоту – проверить, сколько он станет получать жалованья, и с удовлетворением заметил, что почти столько же, сколько за Хальмстем. На эти деньги можно было неплохо существовать одному или со скромной женой. Хитрый Флав сразу понял, что он выискивает на бумаге.

– Спасибо тебе за этот замок, – сказал он. – Я не устаю восхищаться, как там всё теперь устроено.

– А когда мы начнём строить новую Алексу? – спросил Филь без промедления.

Флав помрачнел:

– Когда у Империи будут на это деньги!

Филь неуверенно спросил, что ему делать с Метой, на что император раздражённо передёргнул плечами:

– Твоя красавица должна посидеть в неизвестности и подумать, нужен ли ей ты. Если нужен, она сама начнёт тебя искать.

Он позвал к себе своего секретаря:

– Клемент, я с этим несостоявшимся женихом сформировал альянс для решения некоторых технических задач. Пожалуйста, сделайте так, чтобы нам никто не мешал некоторое время... скажем, недель десять – пятнадцать.

Секретарь принял недоуменный вид:

– Сир, вы хотите удалиться от дел на пятнадцать недель?

– Нет, я как раз хочу заняться делами, – возразил Флав. – Но они не по уму ни вам, ни вашему Совету. А с этим, думаю, дело сладится!

Он хлопнул Филью по плечу. Клемент скривился.

– Альянс? – кисло проговорил он. – Что ж, хорошо. А что этот свежее испечённый в очередной раз вояка станет делать здесь в свободное время? Его ранг и место службы требуют умения перевоплощаться в кого угодно, а он знает только три языка, немного химии с физикой, немного Закон, совершенно не владеет дипломатическим языком и не умеет фехтовать. Если завтра понадобится отправить его в Старый Свет в образе вельможи, он провалит нам всё дело.

– До сих пор ни разу не провалил, – ухмыльнулся Флав. – Что до остального, вот вы и организуйте ему обучение. Четыре часа после обеда, думаю, будет достаточно, он юноша талантливый.

– Но на это потребуется минимум год! – возмутился Клемент.

Филь опустил голову, чтобы его улыбку не заметили, припомнив летнюю ночь у осаждённого Хальмстема полтора года назад. «Сам-то обращаешься с мечом как с метлой! За столько лет не научился!» – подумал он.

– Давайте всё же попробуем, – настаивал Флав. – Он выстроил Хальмстем в срок, уложившись в выделенные деньги, а это сложнее, чем умение владеть оружием и знать, как вежливо выражаться. Ну а если провалит, я, так и быть, соглашусь с вашим мнением.

Филь взвыл про себя от отчаяния: «Из огня да в полымя! Вместо мирной жизни я теперь опять буду сутками учиться, как в Алексее!»

Уходя, Клемент бросил на него пронзительный взгляд:

– Что ж, я организую тебе здесь весёлую жизнь!

После чего Флав повернулся к помрачневшему Филью и сказал:

– Примипил Фе. Слушай внимательно мой вопрос. По стеклу работать умеешь?

На следующий день Флав вкатился в цокольный этаж башни, где Филь после завтрака занимался расчётами коэффициентов преломления линзы, которую император задумал установить на крыше. Судя по виду, Флав был сильно не в духе.

– Какой же ты дубина! – начал он с порога. – Все мои планы разрушил, бродяга. Зачем ты ей всё рассказал? Теперь жди сюда паломничества Хозеков и Фе во главе с твоей приёмной матерью!

Эта картина разом ввела Филью в то же паническое настроение, в котором уже находился Флав:

– Да я не собирался, но Руфина вцепилась в меня как клещ! Вас же там не было!

Флав избегал свою жену, и это обстоятельство создало неприятную для Филью обстановку за завтраком, когда он был вынужден отвечать на вопросы приёмной сестры, чем именно занимается её муж. Милая и разве что излишне заботливая по отношению к Филью Руфина вдруг превратилась в настоящего пытаря. Филь не мог взять в толк, как это получалось, что Флав, являясь Мастером Хальмстема, настолько нравился ей, что она вышла за него замуж (хотя в те дни даже Ирений считал его за сумасшедшего, о чём Руфина была осведомлена), – и вдруг, став императором, он ей не нравится до такой степени, что она желает изменить его характер. Ну не нравится – не выходила бы замуж!

Подозревая после визита в Менону, что все женщины такие, Филь стал задумываться над возможностью избежать в жизни женитьбы, пользуясь услугами только Пассифона. В конце концов там на первый взгляд сумасшедших не было.

– Зачем ты рассказал, что я собрался прятаться от неё до весны? – воскликнул Флав.

– Ничего подобного я ей не говорил! – возмутился Филь. – Это она сама вывела, когда я упомянул, что следующие три месяца у меня не будет времени поехать в Менону пасть на колени перед Метой, как она этого желала. Якобы я своей выходкой ломаю будущее Габриэль, которая собралась замуж за Яна. Я пытался спорить, что это несвязанные вещи, но с ними спорить – что поросёнка стричь: шерсти нет, а визгу много. Однако она обещала молчать о том, что я в замке. Зная Руфину, я думаю, она сдержит слово.

Флав с сомнением посмотрел на него:

– Что ж, тогда начинаем работать...

Они вернулись к этому разговору в марте. Лютая зима закончилась. Жители Кейплига перестали опасаться визитов оголодавших зверей из окружавших город лесов.

В конце января дело доходило даже до того, что волки врывались в дома и выхватывали младенцев из рук матерей.

Филь за это время соорудил в крыше башни огромную стеклянную пустотелую линзу, которую Флав заполнил им самим приготовленной жидкостью, чтобы достичь требуемого коэффициента преломления. В башне, выстроенной по чертежам императора, имелся центральный колодец на всём пути от крыши до потолка цокольного этажа, и солнечный луч достигал дна в концентрированном виде, достаточно горячем, чтобы от белого пятна на полу в ясные дни тянуло жаром. Идея Флава состояла в том, чтобы установить на этом месте котёл, воду для которого он собрался брать из протекающей глубоко под полом реки. О реке он знал, когда ещё жил ребёнком в этом замке, а на месте Западной башни тогда красовался пустырь.

Кроме этой работы Филь был вынужден заниматься французским и испанским языками, что было не очень трудно делать, имея в запасе родной итальянский и свободный латинский, вкупе с дипломатией после упражнений по фехтованию на деревянных мечах с мастером этого искусства – бывшим стекольщиком Иоахимом Дёкингером.

Садист Клемент составил расписание таким образом, что уроки махания мечами стояли перед всем остальным. А высокий, тощий и подвижный, как змея, тридцатилетний Дёкингер гонял Филь до изнеможения на каждом занятии, заставляя чувствовать себя метлой, борющейся с внезапно налетевшей бурей. Если бы не готовность Флава согласиться с мнением Клемента о Филье, он давно бросил бы это издевательство и зажил жизнью гражданского гражданина. Но одержать Клементу победу над собой он не мог позволить.

За три месяца Филь вымотался до того, что доставленный ему парадный мундир, который положено иметь всем чиновникам Империи от третьего класса и выше, оказался ему свободен.

– А ты кушай больше, – посоветовала Руфина, которая пришла в гостевую опочивальню полюбоваться на него в форме. – Ты нормально ешь только за завтраком, а в остальное время грызёшь капустные кочерыжки.

– У меня нет времени на нормальный обед, – хотел огрызнуться Филь, но, вспомнив уроки манипулирования людьми в своих интересах, проговорил это печально. – Помирилась бы ты со своим мужем поскорее, чтобы он меня отпустил! Мы же всё уже сделали, а водопровод он без меня рассчитает. У меня хоть время появится поесть нормально!

– Дурачок, мы давно с ним помирились, – расплылась в улыбке Руфина. – Я посмотрю, что можно сделать.

На следующий день Клемент объявил, что экзамен состоится через неделю. Охваченный ужасом Филь немедленно отпросился у Флава и, меся сапогами тающий под мартовским солнцем снег, стал как заведённый наворачивать круги у башни, устремив взгляд в свои мятые записи. Он надеялся, что ритмичная поступь каким-нибудь образом вобьёт в его голову то, что он плохо знал. Жизни в башне для него всё равно не было, там рабочие вскрывали пол, чтобы добраться до подземной реки. Чтобы они не подладились в солнечном луче, линзу на крыше накрыли куском полотна.

Не обращая внимания на взгляды служащих, спешащих по делам, Филь два с половиной часа утапывал площадку, пока у него не загудели ноги в промокших сапогах. Остановившись передохнуть, он увидел, как из восточного крыла замка вышла среднего возраста девица в дорогой одежде, державшая себя так, будто заглотила корабельную мачту. Она споткнулась, завидев его.

– Холера, – прошептал Филь. – Надо же, как не вовремя!

Удача избавила его на три месяца от возможных столкновений с кем-нибудь из Хозеков и Фе, но сегодня она его оставила. Сердиться на неё он не мог: при виде Лентолы кто угодно сбежит. Девица твёрдым шагом направилась к нему.

– У тебя совесть есть? – вместо приветствия спросила она.

– И тебе доброго дня, – ответил ей Филь.

– Нам сообщили, что тебя отослали в горы Тарпан к соляным копиям, а ты расхаживаешь здесь как ни в чём не бывало, не желая потратить четверть часа, чтобы дойти до дому и сообщить, что с тобой всё нормально!

С момента, когда Филь видел её последний раз, Лентола перешла в одежде в новую лигу. Сегодня на ней были льняные штаны тройного плетения, заправленные в высокие серые сапоги из мягкой кожи с лавандовым отливом и лавандовая же шнурованная куртка толстой шерсти с большим капюшоном, отороченным серебристой лисой. Из-под куртки виднелся дымчатый свитер мягкой пряжи. На руках красовались серые замшевые перчатки.

– Габриэль места себе не находит в догадках: Флав совсем выслал тебя из столицы и ты теперь отверженный; как к этому отнесутся Хозеки и что будет с её свадьбой, которая назначена на май? Как давно ты здесь?

Филью было не привыкать выносить Лентолино негодование, и он уже собрался её отбрызнуть, как вдруг сообразил, что на Флава с Руфиной она не посмеет направить свой гнев, а значит, у него есть возможность донести до обоих семейств, насколько рассердил его визит в Менону. И что Флав с его мнением согласен, и даже Руфина его поддерживает.

– Со дня возвращения из Меноны, – ответил он спокойно.

Лентола отшатнулась:

– Я только что интересовалась у Руфины, когда ты будешь назад, она ответила, что понятия не имеет! Вы все сговорились, что ли?

Филь улыбнулся: «Всё-таки Руфина стоит своего мужа!» Его улыбку Лентола расценила как подтверждение. Она фурией развернулась на каблуках и помаршировала к замковому мосту. Филь постарался выгнать её визит из памяти как можно быстрее, походил ещё немного, твердя вслух французские глаголы, а потом направился обедать.

Быстро перекусив в кухне, где предпочитал находить себе еду, не желая тратить время на церемонные высиживания в столовой, Филь снова выскочил на улицу учиться. В этот раз он столкнулся там с Эшей.

– Я только что от Руфины, – сказала она. – В семье назревает скандал!

Различие между сестрами выражалось даже в одежде. Эша была, как всегда, в рубаше и штанах, но её сапоги выглядели так, будто она сняла их с солдата, прослужившего в них не менее пяти лет. Помимо этого на ней был обычный дорожный плащ времён их бедной жизни в Катаоке.

– Матушка вне себя! Она собирается запросить аудиенцию на завтра у Флава.

Филь понял, что совершенно забыл о существовании на свете госпожи Фе.

– Она же сотрёт его в порошок! – испугался он. – Выскажет всё, что думает о нём, после чего ему не останется ничего другого, как заковать её в цепи и сослать на север на вечное поселение. Слушай, мы не можем этого допустить! Скажи ей, что Флав выдал для меня из Клемента чин третьего класса, может, это её успокоит. Вообще, вали всё на меня, а я найду, где спрятаться!

Эша удивлённо вскинула брови:

– Скажу... Так ты что теперь, кадровый чиновник? Каким войском можешь командовать?

– Какой я, к чёрту, чиновник, если без офиса? Флав говорит, что просто степень сложности выполненных мной задач соответствует этому классу, вот Клемент и согласился. Только мне ещё экзамены сдавать, и если я их провалю, то не видать мне этого чина как своих ушей.

Эша смотрела на него в упор своим привычным рассеянным взглядом, потом улыбнулась и сморщила нос:

– Ну, ты в самом деле высоко продвинулся. Если честно, я потрясена. Не думала, что Клемент тебя когда-нибудь оценит. А ведь ты самый удачливый человек в Империи. Только вот скажи... Как тебе удалось столько времени прятаться? Хозек-старший возглавляет имперский

архив и регулярно захаживает сюда, как и моя заполошная сестрица Габриэль, а также Лентола как супруга члена Совета.

– Не поверишь: половину дня торчу в Западной башне с Флавом, который строит там солнечный котёл для обогрева замка, а вторую – учусь в его в личном кабинете с подслушивающим по соседству Клементом. Западная – нежилая, туда практически никто не ходит, и в кабинет Флава никто из перечисленных тобой не посмеет войти без приглашения. А здорово мы это провернули, да?

Эша задумчиво кивнула.

– А это ты сообщила Хозекам о моих похождениях по Пассифону? – спросил Филь, чтобы проверить свои догадки. – Я ведь тогда даже не знал, где мы!

Она снова кивнула и, отвернувшись, стала смотреть в сторону моста.

– Ты можешь на меня злиться за это, конечно... Как и за то, что я не сообщила тебе заранее истинную цель тех походов. Пока ты гонялся за нергалом, я случайно повстречала здесь Меттину и между делом поинтересовалась, когда ждать вашу свадьбу. Уж больно Габриэль зачирикала меня со своей, вот я и подумала, что неплохо бы совместить обе в один день, чтобы минимизировать моральный износ. Так вот, твоя невеста ответила: «Посмотрю на его поведение после возвращения из Старого Света». Мне эта фраза не понравилась. В том плане, что в ней нет отношения женщины к мужчине, а есть отношение воспитателя к воспитаннику. Для меня, по сути, её смысл таков: как извернуться, чтобы человек, способный к совершению опрометчивых поступков, впал в рабство, чтобы его дальнейшая жизнь без моего снисходительного прощения стала ему не в радость. Вzbесила она меня, коротко говоря. Так как уговаривать тебя на это было бесполезно, я решила сама протестировать поглубже воды той реки, в которую ты собрался нырять. Вот и всё! Теперь ты всё знаешь и можешь поступать, как тебе заблагорассудится.

– Я думаю, ты лишила меня невесты, – угрюмо проговорил Филь, не зная, что ещё сказать на это заявление.

– Я так не думаю, – легко ответила Эша. – Но жениться на ней тебе не стоит!

4

И снова, уже волей императора, он скачет туда ясным мартовским днём, полный сил и надежд, что на сей раз ему не откажут, уже не школяр, ещё не рыцарь, отбросив возникшие на минуту сомнения, навеянные словами средней сестры...

Клариса Гекслани. История Второй Империи, комментарии. 1-е издание, репринт, Хальмстемская библиотека

Клементу хватило ума поставить фехтование последним в череде экзаменационных сессий. С него Филь вышел еле живой и отправился в опочивальню переодеться. Едва он закончил, в комнату без стука шагнул Флав, лицо которого имело угрожающе красный оттенок.

– Ты сдал, твой чин за тобой, – прорычал он с порога. – И теперь, если не хочешь, чтобы я отправил тебя охранять Запретные Земли, ты отправишься напрямик в чёртову Менону. Езжай и разбирайся со своими женщинами сам. Считаю это капризом тирана!

Он захлопнул за собой дверь с такой силой, что в комнате задребезжали все стёкла. У Филья не было сомнений в том, что взбесило Флава: это могла быть только госпожа Фе.

Зная, на что способен император в гневе, юноша быстро собрался и, не пообедав, стремглав побежал на конюшню. Получив там пинок в зад и укусы в плечо от Ветра за свои декабрьские прегрешения, он оседлал злопамятную скотину и поскакал в Менону, надеясь добраться туда до темноты.

Он не имел понятия, что скажет Мете по прибытии. Но избежать гнева императора и привезти любое окончательное решение было сейчас важнее всего. Это избавляло Флава от визитов приёмной матери Филья, которая была способна вывести из себя даже ангела, если была на него сердита.

Толстощёкий император мог обмануть своей внешностью многих, но не Филья. Именно Флав не моргнув глазом развалил замок Хальмстем в пыль со всем, что там было внутри. А после этого ещё гордился этим достижением. Такой император сотрёт с лица земли любого, если ему крепко досадить.

Как Филь ни погонял коня, Ветер не желал скакать в полную силу, и они достигли Меноны только на закате.

История дома Хозеков восходила к дням, когда жилища строили, чтобы при случае отразить нашествие врага. Он возвышался посреди дубравы – массивный, трёхэтажный, многоугольной формы, с узкими бойницеобразными окнами на первом этаже, шире – на втором, и ещё шире – на третьем. На крыльце дома стоял сам хозяин – главный имперский архивариус Кардо Хозек, в зелёном халате и тапочках, и с прищуром смотрел в сторону ворот. Ветер ласково трепал венчик волос вокруг его обширной лысины.

– Заезжай, открыто! – крикнул он и приглашающе помахал рукой. – Потом закрой за собой на цепь и замок!

Вспомнив, как его встречали здесь без малого два года назад с собаками и крепко закрытым забором, Филь усмехнулся тому, как легко покупается доверие этого господина, который Филем же был назначен на должность финансового контролёра Газовой гильдии.

Юноша завёл коня на конюшню, где не было ни души, расседлал его, накрыл свободной попоной, сунул ему под нос два ведра – с овсом и водой – и направился к дому. Господин Хозек по-прежнему дожидался его на крыльце, запахнув на груди халат.

– Они ищут подснежники в лесу, а я дышу свежим воздухом, – сообщил он, стуча зубами, и быстренько заскочил с гостем в тёплое помещение.

Внутри ничего не изменилось с последнего посещения Филя. Всё тот же огромный пустотелый ствол дуба, проходящий через центр гостиной, вёл наверх, со ступенями, вырубленными в нём изнутри. Всё те же подушки на полу и кресла вокруг. Разве что на стене у обеденного стола появился большой портрет Анны, одетой в дымчато-серое платье, пояс которого стягивала серебряная цепь с крупными звеньями и грушевидными жемчужинами на концах. Погибшая любовь Ирения выглядела на портрете как живая. Увидев её, Филь потупил взгляд.

– Зачем прибыл? – поинтересовался господин Хозек без церемоний.

Они не виделись девять месяцев, но хозяин не посчитал это достаточной причиной, чтобы раскланиваться. Знакомый с его характером Филь не переживал об этом, считая куда более полезным другое его качество: господин Хозек всегда откровенно выкладывал, что думает.

– Объясниться с вашей дочерью, – хмуро ответил Филь, – в поисках приключений на свою харизму.

В счастливые дни два года назад Мета помянула его харизму, он запомнил это слово, а потом долго глядел на его определение в словаре, не понимая, как это может к нему относиться.

– Звучит как брачное объявление, – заметил господин Хозек, выставляя на стол кипящий чайник с вином и кореньями, судя по запаху, и две кружки. – Кроме коня у тебя есть другой багаж с собой?

– Нету.

Господин Хозек ехидно ухмыльнулся:

– Сильно торопился, видать?

– Торопился, – признал Филь.

– Император погнал?

– Он самый.

– Правильно сделал, – сказал господин Хозек и щедро отхлебнул из кружки.

Прокашлявшись после горячего вина, он уставился на Филя зелёными глазами, в которых отражался закат за окном.

– Я давно знаю его и твою семейку, чтобы легко предсказать, как это должно было закончиться: твоя приёмная мать явилась на аудиенцию и наговорила чёрт-те чего. Так?

– Так.

– Ну и зря! Ей следовало поступать исходя из логики.

– Это как? – заинтересовался Филь и в свою очередь приложился к горячему вину.

– Я объясняю юности вещи, на что раньше бы плюнул, – пробормотал господин Хозек себе под нос. – Есть такое правило: в ситуации, неоднозначной логически, надо принимать максимально нравственное решение. В ситуации, неоднозначной нравственно, надо поступать максимально логично. Ария Фе не следует этому правилу и всегда принимает нравственные решения в любой ситуации. Как сейчас с этим визитом или как тогда, когда взяла тебя в свою семью, чтобы восстановить справедливость, как она её понимает. И что мы имеем? Если бы Флав тогда забрал тебя с собой, сейчас с твоими талантами ты был бы уже Мастером Хальм-стема, хорошо выученный кадровый вояка, и без владения этим замком, который висит теперь на вашей шее как гиря. Да, я знаю, что тебе дали третий класс! – махнул он рукой. – Дело в том, что ты мог бы иметь второй. Секретарь Клемент сидит в Совете со дня, когда ему исполнилось семнадцать, это не то чтобы что-то неслыханное. Это также значительно облегчило бы твою сегодняшнюю роль. Я люблю наблюдать, как происходят скандалы в обеспеченных семьях, и могу сообщить, что от определённого уровня доходов они заканчиваются, потому что мужа становится не в чем упрекнуть. Это то, что я хотел сообщить в отсутствие любопытных ушей моих детей, а теперь нам надо обсудить с тобой отдельные производственные показатели нашего общего вонючего детища!

У Филя забурчало в пустом животе от вина, и он отставил кружку подальше. Господин Хозек продолжал:

– В настоящий момент один человек в замке обеспечивает в день количество дерьма, достаточное для производства газа в нашем котле для горения газового фонаря десять минут в день. Наш мудрый император обозвал это единицей стандартной имперской свечи (ЕСИС). Дополнительно им проложена труба с западной оконечности города, в которую загнали ручеёк, всегда текший там с холмов, а теперь позволяющий разбавлять и догонять до котла отходы жизнедеятельности домашнего скота. Жители западной части города должны сваливать их по имперскому указу в Экскрементарий. Но они этого не делают. Я должен придумать, как заставить их, чтобы повысить выход газа. А то у нас его хватает только на замок с Пассифоном, и то лишь до четырёх часов в день. Народ начинает роптать, ибо мы лишили их свечей, а газа даём мало!

– Обложить налогом, – высказал Филь первую пришедшую на ум мысль, прервав свои размышления о том, накормят ли его или ему придётся ложиться спать голодным. Судя по размеру чайника, погибнуть от жажды ему не дадут, но это было вино, пусть разведённое. А значит, наутро Филя опять могли выставить вон за прегрешения, о которых он будет смутно помнить, да ещё умирающего от голода – точь-в-точь его декабрьский отъезд сюда.

– У кого найдут на участке или на поле эти самые отходы жизнедеятельности, пусть платит.

– Это решение лежит на поверхности, – кивнул господин Хозек. – Но сей налог нельзя назначать наобум, его надо посчитать, а ты, я слышал, умеешь делать это так, чтобы и прибыль получить, и интерес проявился, ибо нам восстание ни к чему.

Филь догадался, откуда дует ветер. По-видимому, их с Яном история с катанием на санях и распродажей билетов на это в Алексее широко распространилась в узких кругах. Надеюсь, что ему удастся вспомнить лекции покойного профессора Иллуги по теории вероятности, которыми они тогда пользовались, он сказал, пряча неуверенность:

– Посчитаю, не проблема.

Господин Хозек опять приложился к кружке. Филь не решился пойти по его стопам, опасаясь встретить Мету неспособным к рассуждениям.

– И последнее... Требуется придумать, как увеличить отдачу от каждого человека в замке. Это напрямую касается твоего кармана, моего и нашего императора. Чем мы можем их накормить, чтобы взвинтить ЕСИС?

Филь перебрал в уме продукты, которые могут вызвать повышенное газообразование. Что-то шевелилось в его памяти, связанное с Алексеей и с тем временем, когда он ходил с отцом по морям.

– Бобы, – вспомнил он. – Надо посадить обитателей замка на бобы!

В его голове возникла картина с Руфиной, распираемой день за днём газами по приказу мужа, и он хохотнул.

– Наша задача – увеличить выход газа из котла, а не вызвать массовое убийство через удушье в замке, – возразил господин Хозек.

Скрытый толстым стволом дуба Филь услышал, как хлопнула входная дверь.

– Папочка, у нас тут скоро будет холодно! Почему не приказал разжечь печь? – раздался мелодичный голос Меты.

– Отец, у нас правда сильно свежо, – сказал Ян. – Как спать будем? И я видел Филькино чудище в конюшне, откуда оно у нас?

Господин Хозек вместо ответа откинулся на стуле, покачиваясь на задних ножках, баюкая кружку в руках и с интересом рассматривая потолок.

– Что, Ветер здесь? – спросила Мета, сбиваясь в конце фразы.

Склонив голову и вытянув шею, она выглянула из-за дуба. Взгляд зелёных глаз буквально впился в Филя. Затем она исчезла, и послышался стук сапог по ступенькам.

Филь не мигая остался смотреть на то место, откуда она исчезла. Ему приходилось слышать фразу «собраться с мыслями», и у него возникло ощущение, что сейчас он занимается этим буквально.

Следом за Метой объявился Ян.

– Великолепно, – сказал он, увидев друга, так же, как и Мета, не меняя выражения лица. – Ты здесь!

Со стороны дуба раздался оглушительный грохот захлопнутой наверху двери. Ян вжал голову в плечи.

– Извини, я оставляю тебя на минутку. Надо сказать пару слов моей единоутробной сестре, пока она не разнесла этот дом в щепки.

Он исчез за дубом. Господин Хозек со стуком опустил стул на пол.

– Так и есть, дорогой компаньон, – сказал он, глядя на Филя с издёвкой. – Свет ещё не видывал такого дурака, как ты. И такого славного мужа!

Юноша не успел открыть рот, чтобы поинтересоваться, что значит эта загадочная фраза, как хозяин продолжил, отхлебнув вина:

– Все мужчины – дураки, когда касается женщин. Я советую тебе на сегодня запрятать свою дурость подальше и действовать как славный муж.

И опять он оказался быстрее Филя, пояснив:

– Мужчиной движет его дело, занятие и доход. Когда ты не обращаешь внимания на девичьи переживания, а занимаешься своим делом, как в Алексе, ты им интересен. Вот и дай понять, что ты занят, приехал ненадолго и, каков бы ни был ответ, завтра уезжаешь. Эта песня принесёт тебе куда больше пользы, чем подобие декабрьской стычки у ворот, в детали которой меня тогда же посвятили. Я доходчиво объясняю?

Данный совет поразил Филя: «Что же получается, мне окончательно удалось перетянуть на свою сторону этого язвительного упрямца? Чёрт побери, вот так удача!»

– Весьма, – разулыбался он. – Вернёмся к нашим бобам?

Он потёр ладонями друг о дружку, ибо в доме в самом деле было свежо, и рискнул отхлебнуть из горячей кружки. Едва они пришли к решению, в гостиной появился Ян, одетый в чёрные штаны и светлый свитер.

– Отец, ты нас заморозить решил? – спросил он.

– Обойдётесь, – отвечивал господин Хозек. – Апрель на носу, переживёте!

– Так ещё даже снег не сошёл! – возмутился Ян.

– Головы у вас больно горячие, – буркнул в ответ господин Хозек. – Остудить их надобно.

– У тебя что, опять приступ скупоности?

– Мне ещё за твою свадьбу платить!

– А на ужин у нас есть что-нибудь?

– Только то, что осталось с обеда.

Эта перепалка навела Филя на мысль проверить кое-что утром в старом амбаре.

Ян вытащил на стол из холодной печи два блюда с солёной сёмгой, сыром, ветчиной и полудюжиной хлебных лепёшек.

– Прямо монастырская трапеза, – подмигнул он Филю. – Ну ничего, женюсь, и этот ужас закончится.

Он сел за стол в ожидании сестры. Мета сошла вниз, одетая в разноцветные гетры толстой шерсти поверх таких же носков, шерстяную клетчатую юбку и пушистый свитер с высоким воротом. Волосы она заплела в косу. Её тонкое лицо, тонувшее в мягком воротнике, казалось детским. Филь вспыхнул и потупился, но наткнулся взглядом на её длинные ноги и понял,

что эту грозу лучше встречать лицом к лицу. Ему пришло на ум, что женщина – это слабое незащищенное существо, от которого невозможно спастись.

Мета смотрела на него ясными злыми глазами.

– Похотливая поганка, – сухо произнесла она, усаживаясь на своё место. – Зачем приехал?

– По делу, – сбивчиво придумал Филь на ходу. – Поздно выехал в Хальмстем, вот и решил заскочить.

– Тебе тут что, гостевой двор?

– Заодно письмо привёз вашему отцу, – продолжил Филь, успев отойти от первоначального ступора. – Не гонять же ради этого птицу!

Господин Хозек кивнул с важным видом.

– Габриэль также попросила передать весточку Яну, – уже опасно соврал Филь, но Ян не подвёл и только вопросительно изогнул бровь.

Мета заметила язвительно:

– Голуби с письмами от твоей сестры и так сыпят на нас последнюю неделю горохом козьего дерьма. Могла бы и подождать.

подавив готовый сорваться с губ возглас удивления от фразы, которую привычная Мета никогда не применила бы в разговоре, Филь осознал, что она в бешенстве. И что три месяца для неё пролетели, видимо, как один день. Он почувствовал горячую благодарность к Яну, который пропустил это мимо ушей и даже сделал попытку увести разговор в сторону.

– А чем ты занимался всё это время? – спросил он.

– Помогал Флаву с центральным отоплением в замке и сдавал экзамены на чин.

– Да, тебе же чин дали наконец! – с фальшивым энтузиазмом обрадовался Ян. – И какой?

– Третий класс, – со значением произнёс господин Хозек, накладывая себе сёмги на лепёшку. – Примипил он теперь. Вояка! Сегодня только подшивал приказ Клементя в его дело в архиве.

– Пф-ф, – фыркнула Мета и надкусила кусочек сыра. – Другие в его годы достигали куда большего!

– Клемент и Флав разве что, – ответил на это господин Хозек, поедая сёмгу. – Да и то Флав только в силу своей принадлежности к фамилии.

– Филю теперь один шаг до Мастера Хальмстема, – заметил Ян, налегая на ветчину, – а это уже прямая дорога в Совет. Даже префект кейплигской стражи стоит ниже в Табели о рангах.

Мета заявила на это:

– Давно пора уходить от передачи императорского поста по семейной линии. Сколько можно? Живём как дикари в Старом Свете!

– Что предлагаешь? – спросил Ян.

– Экзамены на должность.

– Ты серьёзно?

– Вполне. Покойный Иллуги обсуждал это с нами в Алексе перед тем, как...

Её лицо сделалось жалким. Она бросила горький взгляд на портрет Анны на стене.

– Короче, это обсуждалось, – уткнувшись взглядом в стол, продолжила Мета. – А что нашло себе путь в умах, рано или поздно реализуется.

Филь напомнил себе, что эта красивая злючка была ещё и лучшей ученицей на курсе профессора Роланда, который читал в Алексе мораль и право.

За окном быстро темнело. Ян взмолился:

– Я больше не могу есть всухомятку! У нас хотя бы квас имеется?

Он сходил за подсвечником и зажжёг свечи.

– Можно послать, – сказала Мета.

– Можно просто пить вино, – возразил господин Хозек. – Никого я никуда посылать не буду. Я отослал всех слуг.

Что в чайнике осталось вино, у Филья были сомнения, судя по красному цвету лица хозяина, у которого начинал заплетаться язык.

– У нас почти нет еды, – сказала Мета.

– Мы так очень быстро напьемся, и Филь снова начнёт на ком-нибудь жениться, – сказал Ян.

Пришла очередь Меты вспыхнуть как костёр.

– Ему не привыкать, – желчно проговорила она, хватая последний кусок сыра.

Филью опротивело изображать из себя ничего не соображающего делового идиота.

– Но я всё ещё холост, это ли не доказательство моих намерений? – заметил он, глядя на неё в упор. Вопреки всколыхнувшемуся в нём гневу, он почувствовал очарование опушённых ресницами глаз, устремлённых на него.

– Не хочу тебя слушать! – Мета пристукнула по столу сжатыми кулаками. – Ты всегда говоришь то, что в данный момент тебя оправдывает, ты всегда прав.

Филь от удивления вскинул брови: это было нарушение логики, на которое, как он думал, Мета была не способна.

– Это может относиться к кому угодно, только не к нему, – раздражённо произнёс Ян. Его тоже уязвила несправедливость обвинения.

– Что ж! – Мета рывком поднялась из-за стола.

– Сядь, Цаца-пеца! – раздался в гостиной властный голос хозяина. – А вы оба убирайтесь. Идите спать!

Ян схватил друга за руку и потянул из-за стола. Филь на ходу оглянулся: две фигуры замерли на стульях друг против друга с одинаково исступлённым выражением лица.

– Нам в самом деле надо уносить ноги, – прошептал Ян, двигаясь к дуплу в стволе дуба с лестницей внутри. – Последний раз я видел его таким очень давно...

На лестнице Филь услышал:

– Или ты сейчас говоришь мне, что у тебя есть другая подходящая партия, или я буду вынужден открыть тебе глаза на отдельные стороны человеческой жизни, которые, кажется, остались тебе неизвестны, дорогая дочь! Итак, есть или нет?

– Нет, – стервозно выговорила Мета.

Филь погрозил кулаком Яну, продолжавшему тянуть его за руку, и замер на ступенях, прислушиваясь.

– Тогда тебе полезно узнать, что, так как тебе идёт девятнадцатый год, в затылок тебе совсем скоро – года через два – начнёт дышать новое поколение девиц, стремящихся отхватить себе успешного мужа. И если у женщин мужской возраст максимальной привлекательности зависит от многих факторов, таких как внешность, успешность, состояние, то у мужчин, даже если ему шестьдесят, он абсолютный, с максимумом около двадцати – двадцати двух лет. Когда тебе будет за двадцать, твои шансы удачно выйти замуж станут уменьшаться. А когда стукнет двадцать пять, даже твоя способность зачать устремится вниз камнем. Я, если ты не забыла, веду ещё и имперскую статистику!

– Папа, я это знаю, – угрюмо проговорила Мета. – Нам это читали отдельным курсом в Алексе, только для девушек. Мадам Багила читала. Но что я могу с собой поделать?

– Он тебе вправду нравится?

– Так, что у меня ноги, бывает, подкашиваются, – ответила она с коротким смешком.

– Тогда это просто гордыня. Чувство, что, если надо, принесут и сами отдадут. Просить противно, а взять – гордыня мешает. Так?

– Так, – чуть слышно ответила Мета.

Ян с новой силой потянул друга наверх, и Филь больше не сопротивлялся. Всё, что хотел узнать, он узнал.

В привычной ему «жёлтой» комнате на втором этаже он задумчиво разобрал постель и начал раздеваться. Он чувствовал себя невероятно уставшим за сегодня. Ян присел на край его кровати.

– Итак, тебе всё ясно?

– Более чем, – ответил Филь. – Это оказался чертовски полезный визит.

– Тогда я оставлю тебя на сегодня. А завтра предлагаю проверить, чей конь быстрее.

– Проиграешь! – засмеялся Филь.

На его душу опустился покой. Что бы ни ждало его впереди, сегодня он снова был в обществе друга, с которым провёл три года в одной комнате в Алексее.

– Как там Габриэль? – спросил Ян, поднимаясь. – Она, надеюсь, ещё не передумала выходить за меня замуж?

– Только если сам откажешься от неё. Она до сих пор помнит, как ты давно сказал, что она отважная и преданная девушка. Между нами говоря, я не сомневаюсь, что, напади на Менону враги, как тогда, она пойдёт с тобой обороняться. Может, мечом махать не сможет, но глаза она там всем выпарапает.

– Тогда и обсуждать нечего, – удовлетворённо проговорил Ян, направляясь к двери. – Спокойной ночи!

Филь остался один, загасил свечу, но, едва закрыл глаза, перед его мысленным взором возникла Мета, потерянно глядя на него, как четыре года назад в заснеженной Алексее.

– Уж лучше бы я напился! – застонал он, утыкая нос в подушку. – Как я теперь спать-то буду?

5

Филь обладал воистину магическим умением покидать дом без единого крайта в кармане, когда семье особенно были нужны деньги, и возвращаться с мешком золота. Тогда, в марте 1348-го, когда он провернул это в очередной раз, никто уже сильно не удивился. Что нас удивило – это то, что заодно он привёз согласие своей надменной невесты провести их и нашу с Яном свадьбу в один день, от чего Меттина поначалу наотрез отказывалась...

Габриэль Фе. Детские воспоминания, из архива семьи Фе

До рассвета оставался час, когда Филь проснулся и осознал, что славно выспался, невзирая на вчерашние переживания. Совершив туалет, он вышел на улицу, обвёл взором серый небосклон, не увидел на нём облаков – и его настроение ещё более улучшилось.

Вспомнив о пришедшей накануне идее забрать золото, спрятанное годом ранее в амбаре, он направился туда, однако по пути осознал, что яма там глубокая и в ней сейчас ничего не увидеть. Тогда он свернул на конюшню.

Он обнаружил своего коня занятым раздачей знаков внимания кобыле Меты по соседству. Внимание не отвергалось, и Филь счёл это за хороший знак.

Ветер был недоволен тем, что его отрывают от ухаживания и выводят из стойла, и он цапнул Филья за плечо. Но когда юноша взял щётку, обрадовался, что его будут чесать, и подобрел, подставляя бока и шею. Когда Филь завёл коня обратно, небо значительно посветлело, и юноша направился в амбар.

Дыра в полу оказалась завалена старыми колодами, как в прошлый раз. Оттащив их в сторону, Филь заглянул в земляной колодец. В нём не было видно ни зги. Решив, что была не была, а он хотя бы на ощупь найдёт своё золото, Филь спрыгнул туда. Как в прошлый раз, ему ободрало кожу какими-то колючками. Он приземлился на кучу чего-то жёсткого, которая поехала под ним в стороны с мелодичным звоном.

– Ага, вот я к тебе и вернулся, – пробормотал Филь, присев на корточки и подгребая монеты к себе. – Тут точно хватит на свадьбу!

Зажав в кулаке несколько золотых, он задрал голову и внезапно вспомнил, что вылезти отсюда без посторонней помощи нет никакой возможности. Устроившись на корточках, он приготовился ждать, когда в доме проснётся кто-нибудь и вызволит его из западни.

Но не в его характере было сидеть, ничего не делая. Поёрзав, Филь опустился на колени и принялся ощупывать земляные стены, надеясь найти отсюда другой выход. Выхода он не нашёл, но стенка колодца с одной стороны вдруг мягко подалась под его руками.

Орудя ладонями как черпаками, Филь выгреб кусок стенки себе под ноги и оглушительно чихнул: воздух в открывшемся перед ним тоннеле был застарелый и почему-то колю-

чий. Филь решил, что не время ему лазить сейчас по грязным тоннелям, и затолкал грунт ногами обратно. Ещё через десять минут он услышал, как хлопнула дверь в дом.

– Эй, спасите меня! – озверев от пустого времяпрепровождения, заорал он. – Я в амбаре!

Звук собственного голоса в закрытом пространстве оглушил его. Через минуту над колодцем склонилась взъерошенная голова Яна.

– Чем это место тебя так привлекает, зачем ты опять залез сюда? – поинтересовался он и, вспомнив давние события, добавил: – А, понял! Сейчас принесу верёвку!

Отправив золото наверх с помощью друга и своей рубашки, Филь сам вылез из ямы.

– Хватит на свадьбу, как думаешь? – спросил он, рассматривая поблёскивавшие в утреннем свете монеты на полу амбара.

– Здесь хватит на три, – заверил Ян. – Собирай, ссылай в подседельные сумки и пошли завтракать. Валда уже сервирует.

Маленькая кухарка дома Хозеков была невероятно шустрая. Боясь, что Хозеки быстро съедят самое вкусное, Филь торопливо последовал совету и, выходя из конюшни, столкнулся с Метой.

– Собираешься домой? – спросила она.

В сегодняшней Мете не осталось следа от вчерашней. Лицо её было осунувшееся, под глазами залегли тёмные тени.

– Собираюсь, – сказал Филь и невольно шагнул ей навстречу.

Она тоже сделал шаг к нему. Взгляд её сделался напряжённым и трогательным. Не выдержав, Филь схватил девушку в охапку и горячо поцеловал. Уже в следующую секунду она отпрянула от него, отскочила в сторону и, склонив голову, выставила перед собой ладонь, запрещая ему приближаться.

– Охолони! Ты знаешь, что перед твоим напором мне не устоять. – Она коротко рассмеялась. – Кузнец!

Так Мета назвала его в день, когда Филь отправился в Старый Свет охотиться на Вала-фара. Тогда она смело поцеловала его в обществе всех вельмож Империи. Что изменилось с того дня и почему сейчас надо делать из этого трагедию, когда он вернулся целый и невредимый, Филь не понимал.

– После вчерашнего ужина охолонуть не составляет никакого труда, – мрачно заметил он, ощутив голодное бурчание в животе. – Ибо я хочу есть так, что у меня зубы скрипят.

Мета сказала:

– Ага!

И зашагала в сторону дома. Он присоединился к ней, на ходу протянув руку к её талии. Она гибкой змеей отпрыгнула от него.

– Даже не мечтай! Иди вон руки помой, они у тебя по локоть в земле.

Филь отправился к колодцу, а зайдя в дом, обнаружил семейство Хозеков за обеденным столом. На огромном, раскрашенном цветами блюде красовалась россыпь варёных яиц, от которых поднимался пар, ломти свежее выпеченного хлеба, затмевающие своим ароматом всё вокруг, истекающие соком охотничьи колбаски, ваза с вареньем и свежее масло. Посреди стола стоял жбан с сывороткой.

– Ну это совсем другое дело, – обрадовался Филь, не заметив, что произнёс это вслух.

– Шевелите челюстями, обжора Фе идёт, – воскликнул Ян. – Филь, только не съедай всё сразу, оставь нам что-нибудь!

Поздоровавшись с господином Хозеком, Филь уселся за стол и принялся ликвидировать нехватку энергии, возникшую после вчерашних экзаменов, длинной дороги и эмоциональных вывихов Меты. Он старался делать это чинно и неторопливо перед лицом невесты, которая в Алексе всегда сидела в стороне и не мешала ему наслаждаться едой, а сейчас оказалась прямо перед его носом.

– Слышал, ты уже достал свои монетки из амбара? – поинтересовался хозяин, с опасным энтузиазмом налегая на охотничьи колбаски. Филь поторопился взять себе несколько.

– Угу, – промычал он с набитым ртом.

Господин Хозек прищурился и стал похож на старого лиса.

– То есть дело можно считать решённым? – Он покосился в сторону дочери.

– Решённым, – не двинув бровью, ответила Мета, намазывая хлебный ломоть вареньем.

– Так, может, и день назначим один, чтобы дважды не мучиться? – спросил Ян. – Габриэль опять интересовалась.

Его сестра нахмурилась.

– А мы отказались от совместной свадьбы, как всегда, или нас уже и не зовут? – спросил господин Хозек между колбасками.

Филь опустил нос к тарелке, чтобы скрыть усмешку, представив реакцию Габриэль на «дважды не мучиться»: девушка рассматривала свадьбу как своё высшее достижение и могла не на шутку оскорбиться.

– Или два разных дня на худой конец, – продолжил Ян.

Разные дни не устраивали Филья ни со стороны затрат, ни со стороны долгих мучений в формальной одежде. Он глянул на Мету, припомнил недавние дипломатические лекции и сказал, потянувшись за сывороткой:

– Не надо, мы можем оказаться в неприятной ситуации.

Налив себе кружку, он сообразил, что Хозеки устали на него, ожидая продолжения.

– Чего непонятного? На свадьбу, где одним из отцов является главный имперский архивариус, должны явиться высшие вельможи. Но на две подряд они вряд ли пойдут. В особенности личности вроде Клемента и Флава. А вы будете потом всю жизнь ругаться, чья свадьба оказалась важнее. Особо увлекательно будет то, что, в силу наших обстоятельств, ругаться мы станем как внутри каждой семьи, так и между, счастье-то какое!

– Ты быстро умнеешь в нашем обществе, – одобрительно произнёс господин Хозек. – Я ещё в самый первый раз заметил.

– Согласен, – ухмыльнулся Ян и отсалютовал отцу кружкой.

– Нашли великого мыслителя, – иронично усмехнулась Мета. – Не за это я его люблю!

Она улыбнулась Филью, и ему стало легко на душе: всё встало наконец на свои места, как он того хотел.

– Тогда решено, – резюмировал Ян. – Когда ты вступаешь в чин?

– С первого июня.

– Ну вот первого и сыграем, чтобы ты мог покрасоваться в новом мундире.

– Интересно, в каком виде заявится на свадьбу наш император, если вообще заявится? – ковыряя в зубах, невнятно проговорил господин Хозек. – Одетый как положено или как в нашу последнюю с ним аудиенцию: в домашнем халате и жутких онучах?

– Он в тулупе придёт, – сказал Филь. – У него их шесть, он их меняет каждую неделю по кругу, но все они одинаково заляпаны и обтрёпаны.

– А что, людям это может понравиться, – рассудил хозяин, – немного декаданса придаёт свадьбе шарм.

Более им было нечего обсуждать, кроме организационных вопросов, которые они договорились разрешить в Кейплиге, куда господин Хозек с детьми собирались на следующей неделе, а всякие цветочки, посуду и еду планировалось согласовать по почте. Пора было уносить ноги, дабы избежать нешуточных телесных страданий, заключил Филь про себя.

– Прокатиться верхом не желаешь напоследок? – спросила его Мета в конце завтрака.

– Лучше до ворот пешком, – после размышлений ответил он.

Господин Хозек хмыкнул, поднимаясь из-за стола.

– Я же говорю, он умнеет не по годам!

Ян выудил из кармана толстое письмо и вручил его Филью:

– Отдашь Габриэль!

Когда Филь вышел из конюшни с конём в поводу, снаружи его ждала Мета.

– Дивная погодка, – проговорила она, беря его под другую руку.

– Чудесная, – согласился он.

– Когда тебя ждать назад?

– Первого июня. У меня полно дел.

– Сможешь до июня вырваться сюда на денёк?

– Никаких шансов. А потом, мои дела это и твои дела; они приносят деньги.

– У меня самой полно денег.

– Оставь их Яну. Я больше заработаю!

– Самомнения тебе не занимать.

– Весь к твоим услугам... Мне сильно не хватает тебя в Кейплиге.

– Для полного счастья или для ровного счёта?

– Змея! – только и сумел сказать он.

– Да, это я. Боишься?

– Опасаюсь. Даже сейчас. К примеру, кто знает, с какой целью ты провожаешь меня к воротам.

– Тогда я боюсь даже предположить, о чём ты думал, когда я звала тебя прокатиться верхом.

– Тут как раз всё очевидно: конюшня – лошади – сено – сеновал.

– Ты не исправим!

– Я вернусь первого июня и обеспечу тебе возможность рассказывать мне обо мне всю мою оставшуюся жизнь.

– Неужели ты собрался заключить бессрочный контракт?

– У меня нет выбора. Мне понадобится всё время Вселенной познакомиться с тобой поближе.

– Это противозаконно!

– Тогда заключим контракт с автоматическим продлением.

– Я люблю тебя, Филь Фе.

– Я тоже люблю тебя, Мета. Но меня ждут дела!

Про дела было враньё от начала до конца. Он мог отложить дела, придумав тысячу причин, почему не может покинуть Менону. Однако сейчас он спасал свой рассудок, потому что девушка, идущая с ним под руку, сводила его с ума.

Филь не осмелился даже поцеловать её, только улыбнулся ей широкой улыбкой, вскочил на коня и поскакал в столицу, ещё не зная, что едет навстречу тому, что изменит жизнь Нового Света раз и навсегда.

– Дорогой подмастерье, мы крепко облажались!

Бросив эту загадочную фразу, император встал, уперев руки в бока, и задрал вверх кудрявую голову. Он стоял на решётке, установленной поверх метровой дыры в полу, которая вела к подземной реке, точно под огромной линзой в крыше Западной башни. Было раннее облачное утро, и стоять там было безопасно.

– Мы просчитались с фокусом, – продолжал он, – я это обнаружил вчера. Он на два метра выше, чем нужно. Эта линза уже стоила нам столько, что Клемент скоро сживёт меня за неё со свету – я же заказывал стекло в Венеции. У нас не варят его такого качества и размера.

– Можно подвесить котёл на цепях, – предложил Филь, хрустя стащенной в замковой кухне капустной кочерыжкой. – Вон у нас какие толстые колонны держат потолок!

Флав спроектировал Западную так, что её внешние стены поддерживали крышу и этажи, а центральная пустотелая колонна опиралась на потолок цокольного этажа, который лежал на железной плите с дырой посередине. Плиту держали на себе шесть толстенных колонн. В башне были и другие странности, такие как комнаты без дверей, проход в которые открывался нажатием на определённые камни в стене. Флав признавал, что перемудрил с прочностью, и смеялся, что зато эта башня никогда не будет разрушена ни людьми, ни демонами. Более всего ему нравилось то, что в ней теперь можно было прятаться ото всех так, что его никто никогда не найдёт.

– Цепи? – поморщился Флав. – Что, мы будем строить, будто пришельцы из Тёмных веков?

Но потом он обошёл по кругу колодец с решёткой и опять уставился на линзу.

– Ладно, иди, я подумаю... Когда мне тащиться к тебе на свадьбу, напomini.

– Через неделю, первого числа, быть в Меноне в полдень. Если вы собираетесь, конечно.

– Понятно... Тогда твои услуги мне больше не нужны. Беги отсюда и приводи себя в порядок. Встретимся в Меноне!

Флав заметно одичал за последние месяцы. Его одежда, которую регулярно стирали и которую он менял каждый день по кругу, медленно превращалась в лохмотья. Он отрастил волосы ниже плеч и густую, пронизанную сединой бороду, которая делала его похожим на лешего. Спал он здесь же, в цокольном этаже, на принесённой сюда слугами кровати, а мылся водой из подземной реки, над колодцем которой был установлен ворот с длинной верёвкой и ведром.

Пол был завален готовыми чертежами, набросками и математическими расчётами, а также остатками еды, которые падали на него, когда император промахивался мимо колодца. Филь знал, что все дела теперь ведёт Клемент, редко посещавший этот ужас, освещаемый факелами вдоль стен. Руфина тоже была здесь однажды, испуганно ахнула и более не возвращалась.

Филь за это время покидал Западную лишь на две недели, посетив по настоянию Клемента область в четырёх днях пути на северо-восток от Кейплига, называемую Долина Буйволов. В обширной долине росла отличная конопля, высоченная и плотная, из которой добывали пеньковое волокно – материал для изготовления бумаги, одежды, верёвок, канатов, тросов и ниток. Здесь же рос хороший лён. Клемент задумал наладить производство прямо там, чтобы сэкономить на перевозке сырья, и пожелал вызнать, как это лучше сделать с наименьшими затратами.

Отлично проведя время под майским солнышком с тремя выделенными ему в дорогу солдатами, Филь вдоволь накупался в тамошней глубокой и быстрой речке Яйя, получившей своё название от того, что весной она могла неожиданно взбурлить, выйти из берегов и утащить за собой неосторожных. А вернувшись, доложил, что идея с производством пустая, ибо придётся строить целый город в дикой местности. Но зато возможно сделаться крупными поставщиками дешевой пеньки, загнать её производителей ценами в гроб, после чего поднять под себя рынок и назначить эту добычу казённым делом.

– Хм... Я уже забыл, что ты в одиннадцать лет заработал в три дня немалое состояние, имея в распоряжении один золотой, – заметил Флав. – Потом ты его просрал, конечно, но хватка осталась. Я так понял, ты задумал использовать машины с приводом от речного потока для производства пеньки?

– Ну да! – возбуждённо воскликнул Филь; идея об использовании энергии реки пришла к нему, когда Яйя чуть не утащила его в глубину. – Я понимаю, что там надо установить водяные колёса, но как всё это должно выглядеть, не могу представить.

– А тебе и не нужно, – усмехнулся Флав. – Ты ездил туда на казённые деньги и не имеешь права скрывать ничего, что пришло тебе там в голову. Выложи ты Клементу свою идею плюс наброски чертежей, он объявит это имперской собственностью, сам всё построит и станет грести деньги напрямую в казну. Если же ты выдашь только идею, он рано или поздно придёт ко мне, а я уж гарантирую себе участие в деле как частное лицо, и твоё заодно. Короче, думаю, ты успел догадаться, – Флав радушно улыбнулся и протянул руку с грязными, давно не стриженными ногтями. – Добро пожаловать в Пеньковую гильдию, примипил!

Душа Филя преисполнилась благодарности. Испытывая благоговение перед гением этого человека, он крепко пожал ему руку и счастливым голосом проговорил:

– А когда мы начнём строить?

– Тебе бы только строить, – отворачиваясь, хмыкнул Флав, разглядывая несущие потолок колонны. – Надо для начала закончить это безобразие!

Так завершилось для Филя «великое сидение» в Западной башне Кейплигского замка.

День выдался безоблачным и тёплым. Филь побросал то небольшое, что принадлежало ему в опочивальне, в вещмешок, закинул его за плечи и выбежал на улицу. Солнце ударило ему по глазам, привыкшим к полутьме башни, и он зажмурился. Как результат, он налетел на кого-то, кто выругался знакомым голосом, взял его за ворот и грубо остановил:

– Какого чёрта несёшься не разбирая дороги? Хотя это к лучшему! Нам надо поговорить. Ты в каком порядке предпочитаешь: чтобы сначала вы с Метой, а потом Ян с твоей сестрой или как? Заказывать сразу двух регистраторов – это деньги на ветер!

Филь открыл глаза, уже зная, на кого налетел: им оказался господин Хозек. Во внутреннем дворе замка царила суматоха в преддверии трёхсотой годовщины казни предателя Бергтора.

– Мы прямо здесь станем это обсуждать? – поинтересовался юноша.

– Нет, конечно, курносый. Пошли ко мне!

Господин Хозек направился в имперский архив, раскинутый глубоко в подвале восточного крыла замка за несколькими дверями с немногословной охраной. Освещение тут было столь же мрачное, как там, откуда Филь только что сбежал, разве что масляно-ламповое.

Знание, что все сколь-нибудь значительные деяния жителей Нового Света описаны здесь на листах бумаги, которые сложены, рассортированные по папкам, именам, годам и местам происхождения, волновало Филя. Он понимал, что это сокровище. И если даже юный господин Хозек умудрился заработать себе на этом состояние, Филю это сам Один велел. Однако начинать шариться по папкам он не собирался. Здесь надо было точно знать, что и где искать и как это использовать.

В архиве были установлены стеллажи с общей длиной полок в пятьдесят тысяч локтей. Полки были сделаны из красного дерева – тиса, который не позволял заводиться жучкам. А так как его тут было очень много, то его слабые испарения в закрытом помещении делали воздух нездоровым для людей. Поэтому работники архива брали здесь, что нужно, и уносили в соседнюю комнату под суровыми взглядами охраны и самого господина Хозека, не имевшего собственного кабинета, а сидевшего всё в той же общей комнате. К этой комнате они сейчас и шли мимо бесконечных полок.

Филь вдруг загорелся идеей:

– Я хочу посмотреть свою папку! Имею я право?

– Право имеешь, – отвечал господин Хозек, – но с разрешения секретаря императора или самого императора. У тебя есть такое разрешение?

– Нету, – нахмурился Филь и вспомнил кое-что из своего прошлого: – А у вас было такое разрешение, когда вы копировали мой допрос эмпаротом для своих детей четыре года назад?

Господин Хозек встал как вкопанный.

– Кто донёс? – медленно спросил он, оборачиваясь. – Неужели мои собственные дети?

– Они самые.

Господин Хозек нахмурился.

– Ладно... Им по башке я ещё надаю. А твоё дело я только вчера поставил на место, вот оно!

Он прошёл пять шагов, протянул руку, снял с полки увесистую папку и вручил её Филью.

– Наслаждайся, но только здесь. В общую комнату я тебя не пушу.

Он встал рядом, всё такой же нахмуренный, несомненно ожидая, что Филь удовлетворит своё любопытство, не сходя с места. Не смея перечить, юноша открыл папку, держа её в руках.

Первое, на что он наткнулся, был его допрос эмпаротом в старом Хальмстеме, где он умудрился уронить замковый мост на голову Флаву и его свите. К нему был приколот рапорт Мастера Фе, мужа госпожи Фе, о появлении десятилетнего Филья в замке с рекомендацией передать его Детской Службе.

Второй допрос, из Катаоки, был толще, ведь там содержалась почти вся жизнь Филья на тот момент. Немногочисленные рапорты профессуры из Алексы он пропустил, чтобы избежать горьких воспоминаний. Он мельком прочитал знакомые ему мобилизационные предписания; первое, выданное, когда ему едва исполнилось пятнадцать. И наконец добрался до развёрнутой характеристики.

Господин личный секретарь императора и председатель Совета Клемент уведомлял, что Филь Фе, до усыновления Филь Темпе родом из Неаполя, сирота и аскеман по крови, тринадцати лет, практичный, чрезвычайно наблюдательный и невообразимо предприимчивый, определённо обладает выраженными способностями к языкам, начальной алгебре, астрономии, кузнечному делу, недостатком манер и плохо управляемым характером, небрежен во внешнем виде, бесстрашен при прямой угрозе жизни и в целом катастрофический упрямец, но легко сходится с незнакомыми людьми, в том числе из Старого Света. В силу чего рекомендуется держать его под неусыпным контролем, выяснить его способности к наукам, в особенности к естественным, также к усвояемости законов морали и чести и при успешном окончании школы высшего обучения «Алекса» после дополнительной необходимой тренировки рекомендовать его на должность Мастера Хальмстема.

По прочтении этого Филь чуть не заплакал: «Я сейчас был бы Мастером, не сожги я Алексу дотла!» Он стал бы легатом, и никто в Империи, включая Мету и госпожу Фе, не мог бы даже цыкнуть в его сторону, за исключением вышестоящего начальства.

Его дух погрузился в глубочайшую тоску. Он безропотно отдал не дочитанную им до конца папку господину Хозеку.

– Так что, кто из вас первый вступает в брак? – немедленно поинтересовался тот.

– А какая теперь разница, – выдохнул Филь, угрюмо поддёрнул на плече вещмешок и направился прочь.

Майское солнышко обняло его на выходе из замка и поцеловало в макушку. Юноша вдохнул чистый после недавнего дождя воздух, пропитанный запахами свежей зелени, и снова воспрянул духом. У него впереди было полно интересных дел, и тосковать об утерянной возможности не было времени. Одна Пеньковая гильдия чего стоила! Не говоря уж о предстоящей свадьбе.

Последняя мысль вернула его к недавнему сообщению от Габриэль, переданному с Руфиной, что ему во что бы то ни стало надо возвратиться в дом за три дня до свадьбы. Предполагая, что там сейчас творится, он опять помрачнел. Но это надо было пережить как простуду.

Свежий ад открылся перед ним, едва он вошёл в дом. Гостиная оказалась забита новой одеждой, свисавшей со всех дверей и кресел. Среди месива кружев и шёлка, оживлённо обсуждая что-то, стояли празднично выглядевшие госпожа Фе, Габриэль, Эша, Лентола и её муж Тиаго с обширными залысинами и выраженной челюстью.

– О, гулёна вернулся! – воскликнула Эша, первой заметив его. – Ну проходи, чего ты там топчешься?

Лентола с супругом поворотились к нему с одинаково неодобрительным выражением на лицах. Габриэль, примеряя тиару, зарделась и послала ему воздушный поцелуй. Госпожа Фе, с трудом проложив себе дорогу в перегруженной тряпьем гостиной, подошла к нему и с осуждением произнесла:

– Ты вышел за дверь двадцать пятого декабря. Сегодня двадцать пятое мая. Что мы сделали тебе, что за всё это время ты ни разу не навестил нас, а только передал с посыльным мешок с золотом на оплату торжеств и запросил более лёгкую одежду на весну?

– Я решил, что, коли меня незаслуженно обидели, этого надо хотя бы заслужить! – выпалил Филь не думая.

6

События известной свадьбы хорошо описаны в исторических хрониках, и нет нужды повторять их. До сих пор остаётся неизвестным только одно: куда именно исчез тогда Филь на долгие полдня. Он не открыл сей тайны никому, включая меня, наотрез отказываясь это обсуждать...

Янус Хозек. Как это было. 57-е издание, Анастасийская Центральная библиотека

– Человек должен жениться хотя бы раз, пусть только ради любопытства, – пробормотал Филь, сидя в парадном облачении в карете, направлявшейся в Менону, в обществе приёмной матери и Габриэль.

Утро выдалось свежее, и у Филья стыли пальцы в открытых сандалиях. Новая, ни разу не стиранная льняная туника заметно кололась под белоснежной кожаной лорикой мускулата в цвет таким же кожаным поножам. Парадный шлем с поперечным гребнем, отливающий серебром и имитирующий боевой, украшенный белыми орлиными перьями, лежал рядом.

Габриэль и госпожа Фе, казалось, не испытывали никакого неудобства, невзирая на то, что они вдвоём с трудом помещались в пышных платьях на диване кареты. У них совершенно точно ничего не чесалось – больно довольны были их лица. На него они обращали мало внимания, всецело занятые разговором, к которому ему надоело прислушиваться ещё в Кейплиге, – слишком однообразен он был: ритуал вступления в брак, ответственность, права, обязанности. Бр-р-р!

Они также не могли простить ему того, что он до сих пор «не осознал своего чудовищного поведения в декабре» и не собирался извиняться, а наоборот, считал себя оскорблённым. Дошло до того, что перед посадкой в карету, когда очаровательная сестрица, забыв на мгновение их пререкания, спросила у него:

– Филь, как я выгляжу?

Он не смог переключиться на праздничный настрой и выдал:

– Габриэль, у нас нет времени на скандал!

Так они ехали всю дорогу с Ветром, привязанным сзади, и Филь уже думал, что скакать на коне было бы веселее. Он начинал чувствовать себя отверженным, как в то лето, когда впервые ступил на землю Нового Света. Эша могла бы разбавить напряжение, но она отказалась посещать Менону, сославшись на срочную встречу с отцом-сердаром, который должен был накануне вернуться из Старого Света.

Они въехали в Менону в десять, за два часа до прибытия основных гостей, как и предполагалось.

Габриэль и её багаж вкупе с госпожой Фе были немедленно похищены Метой в свою комнату. Филья, как готового одетого жениха, господин Хозек с парадно одетым Яном увёл под один из праздничных шатров, вытянувшихся в линию до самого леса. Там они приложились к уже известному разбавленному вину с травами. Цветасто разодетый народ суеился вокруг, расставляя на столах посуду.

Приготовленное к торжествам поместье выглядело изумительно. Деревья, окружавшие господский дом, зеленели свежей листвой. Кадки с кустами шиповника ограждали дорожки,

сходившиеся к шатрам. Добротные избы, стоявшие на опушке рощи, были украшены гирляндами полевых цветов, как и дом.

Розы, лилии и орхидеи присутствовали в списке «необходимых» вещей госпожи Фе и Габриэль, но господин Хозек пригрозил, что скорее собственноручно подпалит свой дом, чем согласится украсить его трупиками оранжерейных цветов стоимостью с хорошую карету и пару лошадей.

Господин Хозек в чёрном шёлковом сюртуке того же покроя, что был на Яне, рассыпал по столу листы бумаги с именами гостей.

– Не перепутайте, – наставлял он двух друзей. – Каждого гостя сажать в соответствии с этим планом. Среди них есть лелеющие старые обиды горячие головы, которые не должны оказаться рядом. Это политика, привыкай! – Он похлопал Филя по плечу, которое казалось очень мощным в парадной лорике.

Юноша свернул лист вдвое и сунул его за кожаный пояс у металлической бляхи с выгравированным на ней символом легиона. Указание Флава не распространяться о его приписке к Хальмстему было выполнить не легче, чем поцеловать свой локоть: кусок стены с тремя символическими зубцами, обвитыми шипастой лозой, и охраняющей их недоброго вида собакой был известен всей Империи как его символ.

Деревянные столбы, поддерживающие шатёр, были выкрашены в белый цвет и декорированы стилизованными позолоченными цветами. За столбами мелькнуло что-то лёгкое, белое, воздушное с тем же оттенком позолоты. Мета ступила в шатёр, высоко неся голову. Её волосы удерживал золотой обруч, напоминавший тонкую корону или тиару. Позади неё развевалась фата в тон платья, украшенная цветами апельсина.

– Э-э... простите меня, – пробормотал Филь, шагая навстречу невесте, которую более всего на свете сейчас желал заключить в объятия.

Из-за спины Меты показалась Габриэль. На девушке было платье нежно-бирюзового оттенка, как осветлённая морская пена, длинное и струящееся. Надетая поверх полупрозрачная юбка была расшита луками со стрелами. Застёжка в виде маленького лука со стрелой держала лямку платья на плече. Плотная асимметричная шапочка из павлиньих перьев, переплетённых так, что были видны «глаза», удерживала чёрные волосы, завитые природой крупными кудрями, спускавшимися на плечо и часть спины. Туфли на высоких каблуках имели украшение в форме стрелы, а на пальце девушки красовался огромный аквамарин.

– Так, – сказал Ян, поднимаясь. – Вы меня тоже все простите...

Два друга, как зачарованные, двинулись навстречу разодетым девицам. Уши Меты порозовели. Габриэль зарделась как маков цвет и вскинула руку к рукаву:

– Ой, мамочка, я забыла брошь!

– Я принесу, – заверил её Филь, не сводя взгляд с Меты.

– Мы принесём, – эхом отозвалась она, разглядывая его, будто увидела впервые.

Сердце Филя билось так сильно, что воздух вокруг него сделался густым, мешая ему двигаться с привычной лёгкостью. Он потерял способность видеть, что творится вокруг.

Он взял ладонь Меты в свою, она крепко сжала его пальцы. Обжигающая волна прокатилась по его телу. Филь отпустил её ладонь от греха подальше, но продолжал ощущать через воздух каждый изгиб её тела. Мета стрельнула в него глазами и улыбнулась.

Встретившаяся им госпожа Фе в наряде немного темнее, чем у Габриэль, в охотничьего стиля шапочке с павлиньим пером раскланялась с ними, задержала взгляд на Филе и поспешила к мужской половине семьи Хозек.

– Нам на третий этаж, – сказала Мета, скользя мимо слуг, заполонивших подходы к дому. Каждому было чем заняться: кто поправлял цветы, кто разносил холодные блюда и расставлял скамьи.

На лестнице никого не оказалось, и теперь ничто не отвлекало Филью от фигуры Меты, ступающей впереди. Решив, что заработает сердечный удар ещё до третьего этажа, он с усилием перевёл глаза на дубовую стену, несущую на себе следы многолетней деятельности детей господина Хозека. Наткнувшись взглядом на особенно глубокие корябины в дереве, Филья вспомнил, что этому дубу более сотни лет уже в высохшем виде, а значит, отдельные отметки могли быть сделаны сердарами, которые, по слухам, изначально выстроили этот дом.

– Если мы не хотим выглядеть сгорающими от страсти куклами несколько часов подряд на собственной свадьбе, – опустив глаза, сказала Мета, заходя в светлую комнату с кучей разнообразной одежды и двумя обширными сундуками на полу, – есть только одно средство против этого мучительного ступора!

Она обернулась и показала глазами на внушительный засов с внутренней стороны двери. Вид у неё сделался озорной. Её фата полетела в один угол, туфли – в другой. После чего она вытянулась перед Фильей, как солдат, с пылающими щеками и сумасшедшими глазами.

– Ты уверена? – выдавил он, догадавшись, что она задумала, и оттого совершенно теряя рассудок.

– У тебя есть предложения получше?

– Габриэль хотела какую-то брошь.

– Подождёт!

– А если придёт?

– Не придёт. Твоя сестра более проницательная, чем кажется.

Её руки обвили его шею, дрожащие пальцы погрузились в его волосы. Он притянул девушку к груди и безраздельно отдался единственному ощущению: Мета у него в объятиях, её удивительно нежные губы отвечают ему, и он не в силах оторваться от них. Её кожа была необыкновенно гладкой и душистой. Уткнувшись носом в её шею, Филья принялся расстёгивать длинный ряд пуговиц сзади у неё на платье. Мета, в свою очередь, занялась ремнями, удерживающими его лорик.

Волна самых разнообразных чувств нахлынула на Филью – от стыда до смешливости. Мета испытывала что-то похожее. Когда лорика упала на пол, она махом стянула с него льняную тунику и, прижавшись щекой к его обнажённой груди, тихо засмеялась. Следом на пол упало её платье и шёлковая сорочка.

– Дорогой муж! Я могу тебя теперь так называть? Мне почему-то пришла на ум наша первая встреча. На Сенном озере, помнишь?

Успев перевести дыхание, Филья кивнул.

– Тебе тогда было десять лет. Ты устроил целое представление в воде для меня одной. Можешь даже не спорить, я знаю это доподлинно.

Филья опять кивнул.

– И ты был, как сейчас, с голым задом!

Она рассмеялась и принялась тискать его. Спасаясь от щекотки, Филья ответил тем, что крепко обхватил её руки вдоль тела, покрывая поцелуями её нежное лицо, прямые брови и длинную шею. Она разом прекратила сопротивляться.

– Ещё раз? – спросила она, забрасывая ему руки за шею. – Что ж, я полностью в твоём распоряжении!

В этот момент за окном послышался топот лошадиных копыт и скрип карет. В мгновение ока Мета оказалась на ногах.

– Одевайся! – Она принялась торопливо натягивать на себя сорочку, не смущаясь его присутствия. – Одевайся, одевайся!

Она скользнула в платье и, извиваясь змейёй, натянула его на себя и повернулась спиной к Филю.

– Застегни!

Он быстро, как мог, застегнул её пуговицы. Мета схватила фату и кинулась к зеркалу, висевшему на стене напротив постели. Филь спешно принялся одеваться сам.

Когда они вышли на улицу, обитатели поместья уже выстроились рядами перед господским домом, готовые принимать гостей. Заметив детей, господин Хозек стал делать злобещие знаки лицом и руками, что им следует поторапливаться.

Филь всучил брошь Габриэль, которая прицепила её к рукаву и сразу подобрела. Стоя рядом с ней, Ян подмигнул другу.

– Не бойся, – прошептала румяная, как маков цвет, Мета, занимая своё место. – Отец, без сомнения, вычислит, что произошло, но тебе ничего не грозит. Он в целом отлично к тебе относится, частенько даже ставит нас ниже тебя. Ян – не уверена, однако это уже твоя забота...

Они вот-вот должны были официально сделаться мужем и женой, и Филю было плевать на эти расстановки сил. И тут из карет полезли важные чины и вельможи Империи.

Первым на землю господина Хозека ступил Флав. Он был одет в голубой камзол с кружавчиками и белые чулки на обутых в чёрные туфли толстых ногах. На его голове красовалась сдвинутая на затылок треуголка с густым плюмажем.

Следом за ним показалась Руфина в бирюзовом платье и раскидистой шляпе. С ней была Бренда, знакомая Филю нянька из Катаоки, и двое детей: трёхлетняя Амальфея, коей Флав дал имя козы, вскормившей Зевса, и круглый годовалый Флэвор, только научившийся ходить.

– Где тут у вас вино? – спросил Флав вместо приветствия и, следуя указанию господина Хозека, направился к длинному, уставленному кувшинами столу.

Его дети огляделись и, взявшись за руки, задали стрекача к роще. Флэвор то и дело падал. Амальфея, хохоча, его поднимала. Бренда неотступно следовала за ними. Руфина присоединилась к своему мужу.

Остроносый, остроглазый и совершенно седой Ментор Эрке, надзирающий за законом, был следующим. Узнав Филя, он подмигнул ему и последовал за императором. За Эрке на землю ступил бледный, с плотно сжатым ртом и властными тяжёлыми складками худых щёк, тщательно выбритый комиссар имперской гражданской стражи в компании сухой, как доска, жены.

Филь обратил внимание, как при появлении этого господина – первого из длинного списка вельмож, знакомых ему только по имени и внешности, – Хозеки подобрались, сдвинувшись плечом к плечу, готовые кинуться и затоптать чужака. И Филь сообразил, почему на свадьбу молодых пожаловало одно вельможное старичье: у господина Хозека была репутация злого на язык человека, которого не выносила вся Империя.

Последний, с кем юноша был знаком, оказался Луи Конти, возглавлявший Ведомство Пошлин и Податей, заносчивый, по слухам, аристократ с поколениями предков и тяжёлой историей инбридинга, с безвольным подбородком и страстью к молоденьким горничным и лакеям без разбору.

Неутомимо улыбавшийся всем подряд господин Хозек поймал краем глаза выражение лица Филя и, склонившись к нему, пробормотал:

– Терпи, юный друг! Древние греки называли людей, не желавших участвовать в политике, идиотами. Это слово пошло именно оттуда.

Хоровод лиц продолжился совсем незнакомыми Филю людьми. Началась церемония представлений.

– Это твой брат? Какой красивый! – вежливо поздоровавшись, обратилась к Мете сухая, без возраста, девица, похожая на обительниц бедных кварталов состоянием кожи и выраже-

нием лица, одетая во что-то шерстяное и клетчатое. После паузы она заметила: – Совсем на тебя не похож!

– Где-то я этот прикроватный коврик уже видела, – с очаровательной улыбкой проговорила Мета, едва девица отошла подальше. – А, точно, юбочка у меня есть такая!

Разобрав интонации Анны, Филь разулыбался: определённо, её дух решил не пропускать это торжество.

Следующая гостя оказалась не лучше предыдущей.

– Ну что, решили обосноваться здесь? – поинтересовалась у Яна не в меру располневшая дама с непоколебимым духом собственничества во всем её облике. Она обвела взглядом поместье. – Ну ничего, ничего... зато комнат у вас много!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.